

ПАРТИЙНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ

Б.П. ВЕРЕВКИН

М.Е. КОЛЬЦОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО · МЫСЛЬ ·

ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА
при ЦК КПСС
Кафедра журналистики

ПАРТИЙНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ

Б. П. ВЕРЕВКИН

**МИХАИЛ
ЕФИМОВИЧ
КОЛЬЦОВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»
МОСКВА · 1977

ЗКП1 (092)

В 31

РЕДАКЦИИ НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВПСИ и АОН при ЦК КПСС

Редакционная коллегия:

Б. П. Балухев, Б. П. Вережкин, Л. В. Глебова,
В. Е. Евсеев, А. А. Круглов

В $\frac{61001-182}{004(01)-77}$ 131-77

© Издательство «Мысль». 1977

СОЛДАТ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Советская журналистика — прямая продолжательница боевых традиций большевистской партийной журналистики дооктябрьской эпохи. За шесть десятилетий своего существования, действуя в новых исторических условиях, она выдвинула немало славных имен, к числу которых с полным основанием может быть отнесено и имя Михаила Кольцова — выдающегося публициста-правдиста 20-х и 30-х годов, чья кипучая энергия и многогранная деятельность заслуживают в наши дни самого пристального изучения и осмысления.

Михаил Ефимович Кольцов прожил недолгую (1898—1942 гг.), но богатую событиями, яркую и самобытную по творческому опыту жизнь. Талантливый литератор и организатор, «солдат советской журналистики»¹, коммунист-ленинец, он все свои силы и способности отдал каждодневному служению делу партии, делу коммунизма.

Родился М. Е. Кольцов (Фридланд) 12 июня (31 мая) 1898 г. в Киеве в трудовой семье. Отец его был ремесленником, искусным «мастером на все руки». В самом начале нового века его семья переезжает из Киева в Белосток, где Михаил поступает в реальное училище. В затхлой атмосфере этого учебного заведения «живой и самостоятельный мальчик, неистощимый выдумщик и охотник до всяких задорных затей»², быстро находит отдушину: он начинает выпускать рукописный школьный журнал. Уже тогда у будущего публициста, очеркиста и фельетониста проявилась склонность к написанию сатирических стихов, пародий, которые он помещал в журнале под

¹ В. Маевский. Солдат советской журналистики (К 75-летию со дня рождения Михаила Кольцова). — «Правда», 12 июня 1973 г.

² «Михаил Кольцов, каким он был». Воспоминания. М., 1965, стр. 24.

псевдонимом Михаил Синдетиконов (от названия бывшего тогда в ходу канцелярского клея «Синдетикон»).

Литературное дарование М. Кольцова еще сильнее проявляется в студенческие годы. Находясь на учебе в Петроградском психоневрологическом институте, он не только пишет заметки, обзоры, статьи в небольшой столичный журнальчик «Путь студенчества», но и фактически редактирует это довольно распространенное, хотя и скромное по объему издание ¹.

Журналистская жилка у Михаила Ефимовича в предреволюционное время, а затем и в первые месяцы после Февральской буржуазно-демократической революции все более крепнет, особенно в осмыслении и освещении событий общественной жизни. Он внимательно следит за ними, пытаясь получить разобраться в их сути, и стремится сам включиться в них. Многое из виденного, пережитого тогда войдет впоследствии в боевую публицистику М. Кольцова, в его историко-революционные очерки и фельетоны 20-х годов. Например, эти события нашли отражение в очерке-фельетоне «Февральский март», напечатанном в «Известиях» в марте 1920 г. — к третьей годовщине революции.

В последующие месяцы 1917 г. 19-летний М. Кольцов встречается с большевиками. Под их влиянием он не только преодолевает иллюзии и заблуждения первых февральских дней, но и становится твердым ленинцем. Восторженно принял он социалистическую революцию. «Октябрь», «Лучшее время года» — так назвал М. Кольцов написанные им впоследствии яркие очерки о ней ².

Среди того, чем новая, советская эпоха с первых дней одарила М. Е. Кольцова, видное место занимает установление знакомства, а затем и близких, дружеских отношений с рядом замечательных людей. Один из них — А. В. Луначарский, народный комиссар просвещения, представитель блестящей когорты публицистов ленинской школы. Вот как произошла, по словам Кольцова, его первая встреча с Луначарским: «...мы с Анатолием Васильевичем Луначарским вместе пришли в Наркомпрос на вечер по случаю юбилея советской власти.

¹ См. Б. Ефимов. Сорок лет. Записки художника-сатирика. М., 1961, стр. 29.

² См. М. Кольцов. Фельетоны и очерки. М., 1957, стр. 74—78, 186—188.

Юбилейная дата была небольшая — советской власти исполнилось тридцать дней. Был декабрь девятьсот семнадцатого года»¹. Знакомство было продолжено. «Этого человека, — писал Кольцов много лет спустя, — я видел тысячу раз»².

1918 год ознаменовался в жизни М. Е. Кольцова важнейшим событием: его приняли в Коммунистическую партию. Первым боевым участком, на который направила его партия, была только что зарождавшаяся советская кинохроника, киножурналистика. Во главе съемочных групп Кольцов выезжал в революционную Финляндию, на Западный фронт, под Двинск (ныне Даугавпилс), в Смоленск, для съемок Русско-Украинской мирной конференции (апрель 1918 г.)³ и т. д.

В послужном списке М. Е. Кольцова значится, что в 1918 г. он заведовал отделом хроники Всероссийского кинокомитета Наркомпроса, был редактором журнала «Кинонеделя». В следующем году его направляют на такую же работу в Киев, где он руководит отделом хроники Всеукраинского кинокомитета, затем переводят на политработу в Красную Армию Украины — в Политуправление наркомата, возглавляемого Н. И. Подвойским, в Военный отдел 12-й армии. Кольцов заведовал культурпросветом интербригады. Наконец, осенью того же года его назначают заместителем редактора одного из первых массовых красноармейских изданий — газеты «Красная Армия», созданной вначале как орган наркомата по военным делам Украины, а затем переданной 12-й армии⁴. Редакция и типография газеты размещались в вагонах специального поезда, предоставленного им благодаря заботам Н. А. Щорса, в то время командира одной из дивизий 12-й армии⁵. «А знаете ли вы, — писал о тех временах М. Кольцов, — что такое выпускать газету в голоде, в нетопленной редакции и наборной, на поломанных машинах, при блокаде, отсутствии связи и людей? Как нужно составлять номер, если в пяти верстах от города

¹ М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1. М., 1957, стр. 565.

² Там же.

³ См. Р. Корн. «Командируется М. Кольцов...». — «Литературная газета», 27 апреля 1965 г.

⁴ См. «Юбилей старейшей красноармейской газеты». — «Правда», 15 марта 1934 г.

⁵ См. «Газета на фронте». Сборник статей работников фронтовой газеты «Красная Армия». М., 1940, стр. 5.

вражеские войска? Что значит «издавать газету на колесах»? Мы сейчас работаем в удобных типографиях, но хорошо помним недавние времена, когда газету выпускали мы в наступающем или отступающем вместе с армией поезде, подбодряя героев и останавливая трусов, в безлунные чернильные украинские ночи на пароходе, в случайных городишках по выбору военной судьбы»¹.

Наступил новый, 1920 год. Отозванный с фронта в Москву, М. Е. Кольцов вскоре снова возвращается на Украину, на этот раз в Одессу, сразу с двумя поручениями — от Наркоминдела и от ЦентроРОСТА. В течение нескольких месяцев он работает в только что созданном одесском представительстве НКВД и одновременно заведует агитационно-литературным отделом ЮгРОСТА, редактирует ежедневную газету агентства. Советские литераторы и журналисты Одессы во всем стремились идти в ногу с московскими коллегами. По их примеру они выпускали «Окна ЮгРОСТА»², в порядке участия в коммунистическом субботнике издали однодневную газету «Первомайский субботник»; в ее выпуск вложил свою лепту и М. Кольцов³.

Снова вызов в Москву, опять новые поручения. Нет нужды все их перечислять. Важно лишь отметить, что и в 1920 г., и в следующие два года работа М. Е. Кольцова почти постоянно была связана с Народным комиссариатом по иностранным делам (НКВД) и с РОСТА; он находился то в Москве, то в Петрограде, бывал на фронтах гражданской войны. По совместительству Кольцов сотрудничал в «Известиях ВЦИК» (здесь были напечатаны его очерки «Советская ярмарка», «Февральский март»), в петроградской «Красной газете». Все прочнее становились его контакты с редакцией «Правды».

Грозными событиями для Страны Советов ознаменовалось начало 1921 г. — в Кронштадте контрреволюция подняла мятеж. В это время Кольцов находился в Петрограде, работал уполномоченным Наркоминдела и сотрудничал в местной печати. Как коммунист петроградской организации, он был зачислен в отряд особого назначения, принимал участие в подавлении кронштадт-

¹ М. Кольцов. Сотворение мира. М., 1935, стр. 356.

² См. «Партийная и советская печать в борьбе за построение социализма и коммунизма», ч. 1 (1917—1941 гг.). М., 1961, стр. 51.

³ См. Г. Скорыходов. Михаил Кольцов. Критико-биографический очерк. М., 1959, стр. 30.

ского мятежа. В течение нескольких мартовских дней Михаил Ефимович редактировал только что созданную фронтовую газету «Красный Кронштадт», проявляя большую находчивость. Вспоминая впоследствии о тех днях, он писал: «Не забуду никогда, как сам, в морозной мгле, при свечке, колеблемой ледяным вихрем, в ораниенбаумском домишке, без крыши, сорванной снарядами, под гром десятидюймовых чудовищ верстал номер «Красного Кронштадта», чтобы через два часа выбросить с первыми ротами в захваченную крепость»¹.

Мятеж подавлен. М. Е. Кольцов возвращается в Москву. Ему поручается заведование иностранным отделом РОСТА, а размещалось его «хозяйство» в одной из комнат здания НКВД, поблизости от отдела печати наркомата, с которым у Михаила Ефимовича устанавливается самый тесный контакт, а с его заведующим И. М. Майским — дружеские отношения. У Кольцова появляется возможность повседневно видеть в работе ленинского наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина, и не только видеть и слышать, но и не раз беседовать с ним.

И. М. Майский, видный советский дипломат, академик, в воспоминаниях о М. Кольцове отмечает разностороннюю одаренность своего молодого коллеги, его умение правильно оценивать события международной жизни, быстро находить способы и средства соответствующим образом на них реагировать. Не раз Кольцов успешно выполнял важные поручения отдела печати, в том числе и связанные с разоблачением клеветы буржуазной прессы на Советскую Россию².

Говоря о начальном периоде журналистской деятельности М. Е. Кольцова, важно отметить еще одну ее сторону. Приобретая, накапливая собственный творческий опыт, Кольцов был очень внимателен и к опыту своих товарищей. Особенно восторженно он отзывался о журналистской, публицистической деятельности Л. Рейснер. «Милый спутник революции», она была и его «милым спутником» в журналистике. «Она, — отмечал Кольцов, — примкнула к фельетонистам, то есть к тем из писателей, кто вынес свое творчество на узкую, трудную арену газетного листа, перед лицом огромных читатель-

¹ М. Кольцов. Сотворение мира, стр. 356.

² См. «Михаил Кольцов, каким он был», стр. 17—23.

ских масс. И здесь Лариса Рейснер всегда была, пусть навсегда и останется, примером для всех нас, журналистов»¹.

Что же именно выделял для себя в опыте Л. Рейснер М. Кольцов? Ее серьезный, добросовестный, педантичный подход к подготовке своих «газетных вещей» (главным образом для «Известий»). Так, например, она, готовя материал для фельетона о Донбассе, «поселилась в шахтерском поселке и вникала в мельчайшие подробности жизни горняков. Для фельетона о Круппе — проникала с величайшими трудностями в самое горнило крупно-капиталистического предприятия...». Итак, резюмирует М. Кольцов, «тщательный, кропотливый, мужественный труд, величайшая строгость к своей работе при наличии большого, бесспорного таланта — разве это не пример для всех наших газетных и журнальных писателей?».

Несомненно, М. Е. Кольцову импонировал и пример Дж. Рида — автора книги-репортажа о Великом Октябре «Десять дней, которые потрясли мир», положительно оцененной В. И. Лениным. Кстати, свое отношение к Дж. Риду М. Кольцов высказал в некрологе, посвященном памяти Л. Рейснер. Американского писателя и журналиста, «блестящего, остроумного, искрящегося», ставшего коммунистом и погибшего на своем боевом посту, он тоже назвал «спутником революции». «Не попутчики... Верные, милые спутники революции!» — писал Кольцов о Л. Рейснер и Дж. Риде.

Очень близка М. Е. Кольцову по своему боевому духу, по активной революционной позиции литературная практика Дм. Фурманова. «Фурманов блестяще открыл собой, — писал Кольцов, — совсем новую ветвь нашей литературы. Он доказал делом, что сама по себе расплавленная бурлящая стихия революции, вылитая умелым, чутким мастером в литературные формы, может спокойно стать рядом с самыми изощренными видами беллетристики»².

Хотя приведенные высказывания М. Кольцова о творчестве трех его товарищей по перу относятся к середине 20-х годов, они, несомненно, отражают его взгляды на работу журналиста и в самый начальный период его де-

¹ М. Кольцов. Милый спутник. — «На литературном посту», 1926, № 1, стр. 32.

² М. Кольцов. Тяжелый удар (Кончина Дм. Фурманова). — «Правда», 16 марта 1926 г.

тельности в партийно-советской прессе. В то же время они показывают, в соприкосновении с каким опытом формировался М. Кольцов.

Особенно внимательно М. Кольцов следил за всем тем, что было связано с работой центрального печатного органа партии — «Правды», с ее «газетными кампаниями», с повседневным и твердым осуществлением ею ленинских принципов и функций коммунистической газеты.

ПРАВДИСТ 20-х и 30-х

Постоянное сотрудничество М. Е. Кольцова в «Правде» началось 2 июля 1920 г., когда ему было вручено редакционное удостоверение о том, что он является корреспондентом «Правды» на Западном и Юго-Западном фронтах. Именно с этого времени исчислялся впоследствии правдистский стаж публициста. Через неделю после получения корреспондентского документа М. Кольцов напечатал в «Правде» фельетон-памфлет «Махно»¹, написанный по живым впечатлениям от далеко не дружественных встреч с махновцами на дорогах гражданской войны на Украине. За ним последовали другие его материалы. Так, в декабре «Правда» напечатала своеобразный политический портретный очерк-фельетон М. Кольцова «Дан»² — о лидере меньшевиков Ф. Дане, который пытался вести злобную полемику с В. И. Лениным и его сторонниками на заседавшем тогда VIII Всероссийском съезде Советов.

Большой успех у читателей «Правды», как и у работников ее редакции, имел яркий новогодний кольцовский очерк-фельетон «Москва-матушка»³ — о Москве преднеповской поры. Порадовалась ему и М. И. Ульянова, являвшаяся тогда членом редколлегии и ответственным секретарем редакции центрального печатного органа партии. Интересные воспоминания об этом сохранились у писательницы С. Виноградской, работавшей в те годы помощником Марии Ильиничны по секретариату. По ее свидетельству, Мария Ильинична, приветливо встретив М. Кольцова, пришедшего в редакцию после опубликования фельетона, сказала:

¹ См. «Правда», 9 июля 1920 г.

² См. «Правда», 24 декабря 1920 г.

³ См. «Правда», 4 января 1921 г.

— Понравилось. Очень... Очень...

А потом добавила:

— Весьма... Всем... Всем...¹

При прощании М. И. Ульянова пригласила Кольцова почаще заходить в редакцию, почаще писать для «Правды».

Довольно длительное время М. Е. Кольцов продолжал сотрудничать в «Правде», оставаясь одновременно работником РОСТА и Наркоминдела. Со временем у него появляются в газете постоянные обязанности; ему, например, поручается вести в «Правде» «собственную» рубрику «По белой прессе». Под ней регулярно печатались его острые заметки, своеобразные «реплики фельетониста» в адрес зарубежных, белогвардейских и белоэмигрантских газет и журналов; шли они за подписью «Мих. К.». Появляются в «Правде» и другие кольцовские материалы.

С пристальным вниманием и живым интересом следила за выступлениями талантливого журналиста М. И. Ульянова. Ее радовало все, что помогало сделать ленинскую «Правду» интересной и действенной, придать ей живость, а осуществить это в ту пору было нелегко из-за нехватки квалифицированных и политически зрелых кадров. И именно по инициативе Марии Ильиничны, по ее приглашению М. Е. Кольцов в 1922 г. полностью переходит на работу в редакцию «Правды». Знаменательный, юбилейный это был год: «Правда», напутствуемая своим основателем и вдохновителем В. И. Лениным, вступала во второе десятилетие своего существования². Перед ней, как и перед всей советской печатью, вставали серьезные задачи, связанные с переходом страны к новой экономической политике, к осуществлению ленинского плана создания прочного экономического фундамента социализма.

Важную роль партийно-советская журналистика призвана была сыграть в условиях нэпа и на фронте борьбы с буржуазной идеологией. Именно этому вопросу была посвящена одна из первых кольцовских публицистических статей — «В наступление!», появившаяся на первой полосе «Правды» 4 ноября 1922 г.

¹ «Михаил Кольцов, каким он был», стр. 83.

² В праздничном номере газеты 5 мая 1922 г. была напечатана статья В. И. Ленина «К десятилетнему юбилею «Правды»» (см. *В. И. Ленин. Полн. собр. соч.*, т. 45, стр. 173—177).

Мало потребовалось времени на то, чтобы М. Кольцов полностью освоился со своим новым положением в газете, стал одним из ее «коренников» и в полную меру впрягся в редакционный воз.

Уже первые годы пребывания в коллективе редакции центрального органа партии явились прекрасной школой партийности для коммуниста-журналиста М. Е. Кольцова. Трудно переоценить значение для его все большего и большего политического возмужания предоставлявшейся ему возможности присутствовать как работнику «Правды» на всесоюзных партсъездах, где определялась генеральная линия ВКП(б) в строительстве социализма. Это были XIV съезд — съезд индустриализации, XV — коллективизации, XVI — развернутого наступления социализма по всему фронту. Там же, в зале заседаний съездов, у Кольцова рождались яркие мысли, которыми он спешил сразу же поделиться в своих репортажах, заметках с читателями «Правды». Затем следовало активное участие в разработке редакционных планов по осуществлению решений партии, творческая, инициативная работа по их реализации. Степень такого участия все более повышалась; в 30-х годах Кольцов стал членом редакционной коллегии «Правды».

М. Е. Кольцов выступает в «Правде» с материалами различных жанров, но все больше за ним закрепляется положение ведущего фельетониста газеты. Больше того, в своей творческой практике он, по общему признанию, вырабатывал новый, подлинно советский тип газетного фельетона. Если при всей своей тематической и стилистической новизне этот фельетон по отношению к дооктябрьской большевистской сатире (Галерки-Ольминского, П. Лепешинского, К. Еремеева, Д. Бедного) являлся продолжением и развитием ее традиций, то по отношению к фельетону буржуазной и мелкобуржуазной прессы он был прямым антиподом.

Новый, советский, прежде всего правдинский, фельетон ставил своей целью не забавлять и развлекать читателя, а бороться специфическими средствами — острым и умным смехом, сатирой и юмором — за утверждение новой жизни, за ликвидацию всего того, что мешает народу ее строить, и воевать не вообще против враждебного, чуждого, вредного советской действительности, а против конкретных его проявлений, называя имена и адреса.

Насколько важная роль уже в начале 20-х годов отводилась фельетону в «Правде», видно хотя бы из воспоминаний ее ветеранов. Так, Н. Погодин, пришедший на работу в редакцию почти одновременно с Михаилом Ефимовичем, считал нужным подчеркнуть, что сама школа «Правды» «в большой степени определялась ее фельетоном»¹, а это неразрывно связано с именем М. Кольцова. Кроме него с фельетонами в «Правде» в разное время выступали А. Зорич, Г. Рыклин, А. Аграновский, Н. Кружков (Н. Крэн), Н. Погодин, А. Колосов, Т. Холодный. В 1928 г. постоянным фельетонистом «Правды» стал Д. Заславский — один из старейших советских журналистов, работавший до этого в «Известиях». Несколько позже — в середине 30-х годов — по инициативе М. Кольцова на постоянную работу в газете были приглашены видные советские писатели-сатирики И. Ильф и Е. Петров. Работалось им всем с Кольцовым, судя по многочисленным мемуарам², дружно, уверенно и весело.

Как и другие правдисты, М. Е. Кольцов постоянно сверял направление своей публицистической деятельности с ленинским компасом — высказываниями Владимира Ильича о задачах печати и публицистики в период построения социализма. Он хорошо помнил, что рядом с «воспитанием масс на живых, конкретных примерах и образцах из всех областей жизни» как главной задачей прессы В. И. Ленин ставил задачу развертывания «деловой, беспощадной, истинно революционной войны с конкретными носителями зла», «огласки, общественной критики, травли негодного, призыва учиться у хорошего»³.

Указанные В. И. Лениным две задачи нашли у М. Е. Кольцова как «писателя в газете» свое художественно-образное выражение в публицистической формуле: Восторг и Ярость. В предисловии к сборнику своих фельетонов и очерков «Конец, конец скуке мира» М. Кольцов заявляет: «Эта книга — о восторге, о ярости строителей и борцов, переделывающих обычаи труда, нравы жизни, без пересадки, на полном ходу поезда, идущего к коммуне».

Восторг — при победах, при успехах и достижениях.

¹ «Журналисты рассказывают». М., 1974, стр. 60.

² См. Н. Кружков. Михаил Кольцов. — «Советская печать», 1956, № 9, стр. 32—34; Д. Заславский. Первая скрипка. — «Советская печать», 1963, № 6, стр. 37—39, и др.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 91.

Ярость — на отсталых, тянущих назад...

Трудно сказать, чего больше в книге (и вообще в публицистическом, фельетонистском творчестве М. Кольцова. — Б. В.) — ярости или восторга; автор не следил за пропорцией... А иногда ярость и восторг незаметно переходят друг в друга»¹.

Итак, восторг и ярость, ярость и восторг... Пропаганда (если надо, то и восторженное рекламирование), горячая, решительная поддержка добрых дел и лучших людей; травля негодного, яростное ополчение против него, против «конкретных носителей зла» — вот чем занят в «Правде» изо дня в день, из часа в час М. Кольцов. Острым оружием слова он активно участвует в осуществлении выдвинутого ВКП(б) в конце 20-х годов лозунга критики и самокритики. Сатирически обработанные им (как и другими правдистами) критические заметки публикуются (без подписей) в отделе «Каленым пером».

С 15 марта 1928 г. «Правда» регулярно публикует «Листок Рабоче-крестьянской инспекции. — Под контроль масс!». Уже в первом из «листочков» печатается обличительный фельетон М. Кольцова «Левая нога» — об одном зарвавшемся чинуше из уральского административного отдела. Вообще же 1928 год по количеству, систематичности появления кольцовских фельетонов в «Правде» можно отнести к числу рекордных. Уже в январе установилась традиция обязательной их публикации по воскресеньям. Обычный его фельетон печатался в любой день недели, чаще всего в правом верхнем углу второй полосы. Но вместе с тем в каждом воскресном номере давался подвалом фельетон-памфлет, фельетон-очерк М. Кольцова. За первое полугодие, например, из 26 воскресных номеров «Правды» без кольцовского фельетона оказалось всего лишь четыре (подсчет мой. — Б. В.).

М. Е. Кольцов в одном из своих выступлений в Доме печати (а выступал он там многократно) поставил такой вопрос: кто может быть настоящим фельетонистом в нашем понимании? И, отвечая на него, четко обрисовал образ подлинно советского, партийного фельетониста-публициста: это «человек коммунистической идеологии, революционер, не боящийся поднять трудный вопрос, человек, неразрывно связанный с массой и слушающий ее голос, но не боящийся сказать той же массе правду, ес-

¹ М. Кольцов. Конец, конец скуке мира. М.—Л., 1930, стр. 8.

ли она даже придется не по вкусу, пионер, зачинщик новых начинаний, общественник в полном смысле слова, не бросающий слова на ветер и потому готовый всегда за них ответить»¹. Именно таким привыкли видеть самого М. Кольцова его читатели и коллеги по работе.

Активный участник дооктябрьской «Правды» М. Савельев, пришедший в 1930 г. к руководству газетой, при чествовании М. Е. Кольцова в связи с 10-летием его работы в «Правде» (август 1930 г.) отмечал, что Михаил Ефимович вырос, развился и оформился как талантливый журналист и писатель в обстановке борьбы за построение социализма в нашей стране. «Дарованием Кольцова, — говорил он, — мы должны пользоваться для дальнейшего развития наших журналистских кадров, для усиления меткости ударов на фронте самокритики, для мобилизации масс на дальнейшее социалистическое строительство и разрешение основных задач, которые поставила перед нами партия и ЦК»².

На протяжении многих лет М. Кольцов, по его признанию, «пользовался высшей честью для пролетарского журналиста и члена партии: возможностью регулярно и систематически **говорить с рабочей аудиторией со страниц центрального органа партии**». Оказываемым ему доверием публицист глубоко дорожил. Имея в виду свою работу в редакции «Правды», он замечал: «Не всегда человек красит место, часто и место красит человека»³.

М. Кольцова-публициста отличала широта охвата событий и тем. Некоторое, хотя бы приблизительное, представление об этом можно получить уже из образных названий, которые он давал сборникам своих публицистических произведений (главным образом фельетонов и очерков): «Сотворение мира», «Действующие лица» (об историческом пути Страны Советов, о строительстве новой жизни, нового мира и о тех, кто является в этом деле подлинными «действующими лицами»), «Хочу летать» (одна из любимейших тем автора — авиационная), «Звездоносцы» (о Красной Армии, обороне страны, о героях и дезертирах), «Двадцать девять городов», «Поразительные встречи», «Чужие и свои».

Один из сборников критических, обличительных фель-

¹ М. Кольцов. Писатель в газете. М., 1961, стр. 63.

² «Правда», 12 августа 1930 г.

³ Там же.

етонов М. Кольцов назвал «Крупная дичь» (вместо предисловия он напечатал отрывок из записок писателя Аксакова об охоте на крупную дичь). Своим поездкам за рубеж Михаил Ефимович (а ездил он много — и на международные конгрессы, и на сессии Лиги наций, и по текущим делам) посвятил книжку «Западные прогулки».

В сборниках, книжках, Собраниях сочинений (а их вышло несколько) кольцовская публицистика получала как бы вторую жизнь, ее охотно перечитывали. Но главной публикацией для него была все же первоначальная — газетная. Поистине огромен объем правдинской публицистической продукции М. Кольцова! Уже к лету 1932 г. количество его фельетонов и очерков, напечатанных в «Правде», достигло 1200, а впоследствии эта цифра возросла до 1400! Но дело, понятно, не только в количестве. «Михаил Кольцов, — отмечала «Литературная газета» 11 июля 1932 г., — один из наиболее читаемых журналистов в Союзе. Аудитория Кольцова — наиболее многолюдная. Она битком набита. Его фельетоны читают рабочие, начиная от высококвалифицированных до чернорабочих, техническая интеллигенция, учащиеся, служащие и просто обыватели. Кольцова читают в армии, в комсомоле. Читает партийный актив. Читают в национальных республиках... Кольцова читают за границей. И там он один из наиболее читаемых советских журналистов»¹.

Среди читателей и ценителей кольцовского таланта был и старейшина большевистской сатиры М. С. Ольминский. Он очень уважительно относился к фельетонисту-правдисту советского времени. Среди сохранившихся у него многочисленных вырезок из текущих номеров «Правды» немало было и фельетонов М. Кольцова (например, «До четырех и после» из номера от 26 февраля 1928 г., «Притча во языцех» — 25 июня 1932 г.) с пометками, а подчас и «репликами» хозяина архива.

Внимание М. С. Ольминского привлек и обобщенный фельетон М. Кольцова «Вода на мельницу», появившийся в только что начавшем издаваться журнале «Книга и революция». Герой этого фельетона Николай Ильич Разноцветов с необыкновенной легкостью раздавал свои

¹ Г. Васильковский. Кольцов — публицист. — «Литературная газета», 11 июля 1932 г.

скороспелые предисловия. Ольминский, выступая в историко-партийном ежемесячнике «Пролетарская революция» с критикой фактов безответственного издания мемуарной литературы и касаясь роли предисловий, считал нужным заметить: «О бездельных предисловиях недурно писал т. Кольцов в № 1 журнала «Книга и революция» за 1929 г.»¹.

По каждому из фельетонов М. Е. Кольцова принимались, как правило, административные и общественные меры, но главное — эти публикации обладали большой воспитательной силой.

Одной из забот правдивостов в 20-х годах было оказание всяческой поддержки зарождающемуся в стране движению рабочих (а затем и сельских) корреспондентов. Душой этого дела была М. И. Ульянова, возглавлявшая в «Правде» не только секретариат, но и отдел рабочей жизни. В ноябре 1923 г. редакция газеты созвала первое Всесоюзное совещание рабкоров. Это было крупнейшим событием (в 1973 г., как известно, широко было отмечено его 50-летие). М. Кольцов принял в нем деятельное участие. Именно ему принадлежал первый отклик на начало работы совещания, напечатанный в «Правде» на следующее же утро, одновременно с официальным газетным отчетом. «Событие по виду совсем скромное, но для людей, следящих за возникновением и ростом движения рабочих-корреспондентов в Советской стране, — в своем роде маленькая эра»², — писал он о рабковском совещании.

К рабкорам и селькорам, военкорам и юнкорам М. Е. Кольцов многократно обращался не только в письменной, но и в устной форме, охотно встречался с ними, делился своим творческим опытом, мыслями о всех сторонах их участия в печати. Выступая на третьем Всесоюзном совещании рабселькоров (май 1926 г.), он рекомендовал рабкорам шире использовать при написании заметок могучее оружие смеха. «Я считаю, — говорил публицист, — что каждый рабкор должен немножко в какой-то доле или в значительной доле быть фельетонистом»³. Связи с читателями Михаил Ефимович поддерживал как с помощью многочисленных с ними встреч, так и благо-

¹ «Пролетарская революция», 1929, № 12(95), стр. 223.

² «Правда», 17 ноября 1923 г.

³ «Правда», 1 июня 1926 г.

даря обширнейшей почте, приходящей в его адрес в «Правду»¹.

Став общепризнанным мастером в искусстве публицистики, М. Е. Кольцов не кичился этим и не чурался никакой журналистской работы: не делил ее на «белую» — для мастеров и «черную» — для рядовых газетного цеха. «...Но ведь мы не белоручки, а газетчики...»² — эти слова В. И. Ленина из его письма А. В. Луначарскому были для Кольцова нерушимой заповедью. Как истинный газетчик, он любил писать (или диктовать) материал «прямо в номер», возиться со свежооттиснутыми полосами, нести все виды редакционных дежурств, любил командировки — и единоличные, и в составе бригад, во главе их. Кольцов выезжал на посевные кампании в колхозы, посещал машинно-тракторные станции, в декабрьскую стужу бывал на Днепрострое, был на новостройках первых пятилеток, связанных с удовлетворением нужд нашей печати в бумаге (Балахна, Кандопога), и т. д. В результате в «Правде» появлялись многочисленные оперативные и проблемные его корреспонденции, очерки, фельетоны.

Приезжая в какой-либо областной или республиканский центр, М. Е. Кольцов непременно связывался с постоянно находящимся там собкором «Правды», втягивал его в ту или иную редакционную, «спецкоровскую» акцию, по-товарищески делился с ним своим богатым журналистским опытом и сам обогащался новым, полезным из практики коллег. О двух неделях такой совместной работы с М. Кольцовым в выездной бригаде «Правды» на Екатерининской железной дороге (лето 1933 г.) рассказывает в своих воспоминаниях, например, бывший собкор газеты С. Шнапир³. Другому собкору «Правды» — Т. Лильину хорошо запомнилась работа в возглавляемой М. Кольцовым журналистской бригаде на маневрах Киевского военного округа в сентябре 1935 г.⁴ Отметим: тема обороны Страны Советов вообще была одной из центральных в кольцовой публицистике.

По свидетельству правдивостов 30-х годов, не только полосы «Правды», но и ее редакцию той поры трудно было представить без М. Кольцова, без его починов и за-

¹ См. М. Кольцов. Писатель в газете, стр. 11—12.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 47, стр. 58.

³ См. «Михаил Кольцов, каким он был», стр. 168—182.

⁴ См. там же, стр. 185.

тей, без того веселого оживления, которое он вносил во все дела, в жизнь коллектива газеты. Много интересных воспоминаний о его повседневной деятельности в редакции содержат мемуарные записки правдиста С. Гершберга «Работа у нас такая». Автор рассказывает и о присущем Михаилу Ефимовичу чувстве скромности. «Блеск каждого из нас, — говорил Кольцов, — не более как отражение ореола «Правды»... Если кто из нас и поднимается высоко, то только на крыльях «Правды»...»¹

* * *

Новаторский характер советской журналистики находил яркое выражение во всей многогранной деятельности М. Е. Кольцова. Но, пожалуй, рельефнее всего он проявлялся в тех делах, где сам публицист выступал инициатором-запевалой и в то же время организатором, активнейшим участником осуществления своих затей, всегда имевших большое общественное значение.

Выступая в канун Дня печати в 1926 г. в «Журналисте» со статьей «Сильны ли мы?», М. Кольцов подчеркивал, что сила, авторитет газеты в нашей стране зависят прежде всего от того, насколько она справляется со своей организаторской функцией. Надо вскрывать и обличать недостатки, надо рассказывать о положительных фактах; вместе с тем задача печати — выступать и как созидающее оружие. «Рабочий, крестьянин должен увидеть, что газета — не только общественный прокурор, но и общественный организатор-строитель»², — писал Кольцов. Обращаясь к своим коллегам, он замечал: «Мало воздевать руки к небу по поводу непорядков в губбанах... Нужно попробовать и убедиться, не может ли газета организовать общественную инициативу для постройки бани там, где она плоха или где ее нет»³. Из этого исходил М. Кольцов и в своей собственной журналистской практике. Сошлемся хотя бы на несколько примеров.

В первом номере «Правды» за 1928 г. М. Е. Кольцов выступил с проблемным, постановочным фельетоном «Пустите в чайную», в котором затронул один из животрепещущих вопросов той поры — о неустроенности быта горожан. В качестве важного и необходимого средства в

¹ С. Гершберг. Работа у нас такая. Записки журналиста-правдиста тридцатых годов. М., 1971, стр. 382.

² «Журналист», 1926, № 4, стр. 7.

³ Там же.

борьбе за здоровый, трезвый быт публицист предложил открыть по всей стране культурные советские чайные. «Да, чайная, — писал он, как бы отвечая на возможные недоуменные реплики скептиков. — Старая русская чайная, которую мы начинаем забывать... Всякую дрянь от старых времен мы в наследство получили, а чайная при передаче наследства куда-то запропала и по сей день. Теперь старуху надо омолодить, оживить, вставить чайную как необходимейшее звено в цепи культурных учреждений, обслуживающих новый, советский быт».

Кольцовское выступление получило широкий резонанс. Но для практического решения проблемы публицисту потребовалось еще не раз возвращаться к ней, высмеивать скептиков и консерваторов, халтурщиков и очковтирателей, втягивать в развернувшуюся кампанию товарищей по перу, ходить по всяческим совещаниям и заседаниям. Как сообщала пресса, чайные постепенно врастали в советский быт, с чьей-то легкой руки их зачастую стали называть «кольцовками»¹.

В начале следующего, 1929 г., в период подготовки к выборам в Московский Совет, М. Е. Кольцов фельетоном «Дача — так дача!»² обратил внимание общественности на необходимость широкого и практического решения еще одной насущной потребности родной столицы. В живой, энергичной, яркой форме он выступил за озеленение города, за создание вокруг него зоны здорового отдыха. Публицист выдвинул грандиозный по тем временам, но вполне осуществимый проект строительства в Подмосковье — вдоль Ярославской железной дороги — рабочих здравниц, поселков с дачами, доступными по цене для рабочих семей (в том числе на средства жилищной кооперации).

Кольцовский почин быстро и успешно был подхвачен и Моссоветом, и рабочими коллективами столицы. В начале июля того же года автор имел все основания отметить в «Правде», что «идея подмосковного курорта владеет десятками тысяч трудящихся»³. Кольцов и сам активно включился в практическую работу по осуществлению своей идеи. Он возглавил организационный комитет по строительству «Зеленого города» в районе платфор-

¹ См. «Михаил Кольцов, каким он был», стр. 16.

² См. «Правда», 30 января 1929 г. (впоследствии фельетон вошел в сборники под заглавием «Зеленый город»).

³ «Правда», 5 июля 1929 г.

мы Братовщина Ярославской железной дороги, а затем в 1930 г., когда этот город стал уже явью, Михаил Ефимович был избран в нем председателем горсовета и немало сделал по решению встававших там проблем хозяйственного, социально-бытового и культурного строительства¹. Все это, конечно, без отрыва от повседневных правдинских редакционных дел.

С особой наглядностью способность М. Е. Кольцова вникнуть в какую-то жизненно важную проблему и в полную силу своего таланта взяться за практическое ее решение, придав тому или иному почину максимально широкий размах, проявилась в его отношении к проблеме развития советского воздушного флота. Известный советский авиаконструктор А. С. Яковлев в книге «Цель жизни» много раз упоминает имя М. Е. Кольцова. «Михаил Ефимович, — пишет он, — был влюблен в авиацию, сам много и смело летал, очень радовался всем нашим успехам в области авиации и своим талантливым пером широко их популяризировал»².

Первым авиационным крещением для журналиста-правдиста было его участие летом 1926 г. в перелете с летчиком П. Межераупом по маршруту Москва — Севастополь — Анкара на самолете Р-5 «Красная звезда». Самолет был легкий, «сухопутный», а лететь нужно было над Черным морем. Кольцов выполнял в полете обязанности летчика-наблюдателя, т. е. штурмана. Он успешно сдал экзамен на мужество, а «Правда» получила от него первый авиационный репортаж-очерк. За этим последовали новые полеты, новые материалы в газету (в том числе в 1929 г. репортаж с самолета, совершающего фигуры высшего пилотажа — «мертвую петлю» и др.).

Летом 1929 г. М. Е. Кольцов участвовал с группой журналистов в полете по столицам европейских государств на новом советском трехмоторном самолете АНТ-9, названном «Крылья Советов» и пилотируемом М. М. Грозовым. ««Крылья Советов» реют над Европой» — так озаглавил Кольцов тогда один из своих очерков.

¹ В это время железнодорожной платформе Братовщина официально было присвоено новое название — «Правда», которое она носит и сейчас.

² А. Яковлев. Цель жизни (Записки авиаконструктора). М., 1974, стр. 147.

Еще более грандиозным был проводившийся осенью 1930 г. так называемый Большой Восточный перелет советских самолетов по маршруту Москва — Анкара — Тифлис — Тегеран — Кабул — Ташкент — Москва. На сей раз М. Кольцов был в числе организаторов перелета и летел в составе одного из экипажей.

Вся эта кипучая деятельность публициста получила признание и высокую оценку в приказе Революционного Военного Совета Союза ССР от 6 ноября 1930 г., подписанном Наркомом по военным и морским делам и Председателем РВС К. Е. Ворошиловым. «За последние три года, — говорится в документе, — тов. Кольцов М. Е., участвуя во всех больших советских перелетах, сопряженных с большими трудностями, совершил в общей сложности полетов свыше 170 летных часов.

С удовлетворением отмечая эту деятельность тов. Кольцова, приказываю зачислить его в списки Н-й авиабригады ВВС РККА с присвоением звания летчика-наблюдателя»¹.

Высокая оценка не вызвала у публициста головокружения от успехов. Он продолжает выступать по тем же проблемам, причем его материалы носят все в большей степени не только пропагандистский и агитационный, но и организующий, инициативный характер.

В ноябре 1930 г., в период подготовки к IX съезду ВЛКСМ, «Комсомольская правда» выпустила специальный 8-полосный номер, озаглавленный «Вооруженный комсомол»². Одна из полос посвящалась авиационной теме. Рядом со статьей «Возьмите шефство» начальника ВВС СССР П. Баранова шло яркое и волнующее выступление М. Кольцова под броским заголовком «Хочу летать!». Убедительно показав, почему и для чего нашему народу нужна своя мощная авиация — и транспортная, гражданская, и боевая, военная, публицист выражал горячую веру в то, что именно комсомол, молодые патриоты Страны Советов покажут образец понимания важности этого дела, примут активное участие в строительстве Военно-Воздушного Флота, сядут за штурвал пассажирских и боевых самолетов. И тогда слова «хочу летать» будут их общим жизненным девизом. Они должны вы-

¹ Цит. по: Б. Ефимов. Сорок лет. Записки художника-сатирика, стр. 151.

² См. «Комсомольская правда», 25 ноября 1930 г.

ражать стремление всего нашего народа, строящего социализм, зорко охранять неприкосновенность границ своей Родины.

Так журналист «Правды» через «Комсомольскую правду» принял участие в подготовке к взятию комсомолом шефства над Военно-Воздушным Флотом (решение об этом с большим подъемом было принято IX съездом ВЛКСМ в январе 1931 г.). Что касается слов «хочу летать», то вскоре они дали имя сборнику кольцовских статей, очерков, фельетонов и репортажей на авиационную тему¹, которых написано было уже немало.

Самым поучительным и ярким примером плодотворности и действенности кольцовской инициативы следует признать создание по почину публициста агитационной эскадрильи имени М. Горького. В 1932 г., в дни празднования 40-летия литературной деятельности А. М. Горького, М. Кольцов на страницах «Правды» выступил с призывом к общественности страны построить агитационный самолет-гигант имени гиганта литературы М. Горького. Это предложение получило широчайшую поддержку у советских трудящихся. В «Литературной газете» и других изданиях стали печататься сводки о поступающих взносах на сооружение самолета. Затем был создан оргкомитет по строительству самолета, и возглавил его М. Е. Кольцов. Он обсуждал с конструктором А. Н. Туполевым проект воздушного корабля, а со специалистами различных областей техники (электриками, радистами, полиграфистами) — все детали его оборудования, не раз ездил на авиазавод, где строился самолет-гигант. О ходе этих работ публицист не забывал знакомить общественность со страниц «Правды», как бы отчитываясь о выполнении данного ему поручения.

Тем временем — опять же по инициативе М. Е. Кольцова — развернулся сбор средств среди журналистов, рабселькоров и читателей центральных и республиканских газет и журналов на строительство своих (по имени каждого издания) самолетов для агитэскадрильи. У каждой редакции появилась прекрасная возможность на деле проявить свои организаторские способности.

Средства на постройку самолетов были собраны в очень короткий срок, недолго длилось и строительство «летучих агитаторов». По решению Аэрофлота в его со-

¹ См. М. Кольцов. Хочу летать! М., 1931.

ставе была создана Особая сводная агитационная эскадрилья имени Максима Горького, а ее командиром был назначен М. Е. Кольцов. В этой связи он был введен в состав коллегии Главного управления гражданского воздушного флота страны. «Крылатые крепыши», составлявшие эскадрилью, имели различный вид и размер: пятимоторная «Правда», легкая «Комсомольская правда», дирижабль «Красная звезда», двухмоторный «Огонек», самолет из нержавеющей стали на электросварке «Известия» и др.

В очень живой и яркой форме о рождении агитационной эскадрильи М. Е. Кольцов рассказал в статье «Стальные перья, стальные крылья», опубликованной в День печати 1933 г. в «Ленинградской правде». В это время, как сообщал автор, агитэскадрилья уже приступила к работе, ее самолеты уже разлетелись в разные концы Союза — по новостройкам пятилетки, по колхозам и МТС.

В 1934 г. было закончено строительство и 8-моторного самолета-гиганта «Максим Горький» — флагманского воздушного корабля агитэскадрильи. В день Первомайского праздника 1935 г. «Максим Горький» торжественно пролетел над Красной площадью столицы, открывая собой воздушный парад советской авиации. Партийный публицист М. Кольцов находился на его борту.

Верность Михаила Ефимовича авиационной теме проявлялась также в том, что почти ежегодно в День Воздушного Флота, 18 августа, в «Правде» неизменно печатались его публицистические материалы (в 1934 г. — «Что нового в небесах», в 1935 г. — «За что любим, чего ждем»).

По примеру М. Е. Кольцова энтузиастами авиационных дел становились и многие другие журналисты. В числе активистов Центрального аэроклуба были тогда, например, корреспонденты «Правды», «Известий» и «Комсомольской правды» Б. Горбатов, Ю. Жуков, Ю. Корольков, Е. Рябчиков, Е. Кононенко¹.

Инициативная и организаторская роль Кольцова-публициста в полной мере проявлялась и в делах международных. Так, осенью 1933 г. он принимает самое активное и непосредственное участие в проведении широкой

¹ См. А. Яковлев. Цель жизни (Записки авиаконструктора), стр. 89.

интернациональной антифашистской кампании в защиту замечательного болгарского революционера и видного деятеля международного коммунистического движения Г. Димитрова, оказавшегося в лапах германских фашистов.

Судебная расправа над Г. Димитровым и его товарищами была назначена в Лейпциге на сентябрь 1933 г. По поручению «Правды» М. Е. Кольцов попытался попасть на процесс, но германские власти отказали ему в визе на въезд в страну. Тогда он едет в Прагу, чтобы оттуда, используя сведения, поступающие из Германии, давать для «Правды» репортажи о ходе процесса. Затем Михаил Ефимович перебирается в Париж и продолжает корреспондировать в «Правду». Материалов о лейпцигском судилище он прислал немало: «Беспримерное зрелище», «Обвинение идет от провала к провалу», «Обвиняемые разоблачают «судей»», «Новые разоблачения тов. Димитрова», «Лейпцигские «судьи» снова в тупике», «Обвинительный акт выдает с головой фашистских поджигателей», «В судебном тупике», «Геббельс оправдывается», «Перед приговором», «Председатель и прокурор нервничают», «Трудящиеся всего мира требуют освобождения лейпцигских узников» и т. д.¹

В развернувшейся идеологической битве М. Кольцов участвует не только своим публицистическим пером, но и большой личной организаторской работой по подготовке и проведению силами прогрессивных общественных деятелей, антифашистов в Париже, а затем в Лондоне контрпроцесса над подлинными поджигателями рейхстага — Гитлером, Герингом, Геббельсом и их подручными. Здесь же была подготовлена знаменитая «Коричневая книга» — сборник неопровержимых документов и свидетельств, собранных антифашистами.

Все эти усилия мировой общественности, советской прессы не прошли напрасно: Г. Димитров и его товарищи были оправданы, лейпцигское судилище окончилось позорным провалом. Но еще долго болгарские коммунисты оставались в тюрьме. Продолжалась кампания за их освобождение.

И вот наконец на летном поле Московского аэропорта приземлился самолет, доставивший вырванных из

¹ См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 2, стр. 270—331.

фашистского плена Г. Димитрова и его товарищей. М. Кольцов, конечно, уже здесь, на встрече. Назавтра, 1 марта 1934 г., читатели «Правды» с волнением читали его репортаж с аэродрома под заголовком «Этапным порядком по воздуху». В нем были приведены очень важные слова Г. Димитрова о силе пролетарского интернационализма, о роли партийной журналистики, сказанные им при первой же встрече в кругу друзей в день прилета в Москву. Г. Димитров, по свидетельству публициста, говорил: «Мы знаем, кому мы обязаны своим спасением. Если бы не Коминтерн, не международная пролетарская активность, не наша печать, не «Правда», если бы не грозная сила советского рабочего класса, не бывать бы нам живыми здесь»¹.

Как отмечал впоследствии Ю. Жуков, пражские и парижские корреспонденции М. Кольцова за сентябрь — декабрь 1933 г. — это «газетный дневник эпохи, строчки которого звучат и ныне, как пулеметные очереди страстного публициста-большевика, метко разящие фашизм»².

В 30-х годах М. Е. Кольцов — активный борец против угрозы фашизма. И почти всегда его публицистическая деятельность неразрывно связана с организаторской. Так, в начале июня 1935 г. он в Париже участвует в подготовке первого международного конгресса писателей в защиту культуры. Он проводит там большую организаторскую работу, а затем с открытием конгресса шлет в «Правду» обстоятельные репортажи с его заседаний (они публикуются с 21 по 26 июня).

Участвовал Михаил Ефимович и в работе по установлению литераторами СССР интернациональных связей с коллегами за рубежом. Осенью 1935 г., например, он отправляется во главе делегации советских писателей и журналистов в Чехословакию, а по возвращении оттуда выступает с рассказом о поездке в московском Доме печати. Материалы из стенограммы этого выступления были напечатаны в «Правде» 2 ноября под заголовком «По Чехословакии».

* * *

Активнейший правдист 20-х и 30-х годов, М. Е. Кольцов нередко публиковался на страницах и других газет.

¹ М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 2, стр. 334.

² Там же, стр. 271.

Но выступал он там прежде всего как правдист. Началá, например, в мае 1925 г. издаваться всесоюзная молодежная газета «Комсомольская правда». В первых ее девяти номерах появились три фельетона М. Кольцова, и это было встречено как практическая помощь «Правды» своей младшей сестре. Помогал «Комсомолке» публицист и в дальнейшем.

То же самое было и с «газетой без бумаги и без расстояния». С 23 ноября 1924 г. из Москвы в эфир стала регулярно передаваться «Радиогазета РОСТА». Уже в первых ее номерах идут радиофельетоны М. Кольцова ¹, а 3 декабря он приходит в радиостудию со свежим номером «Правды», в котором была впервые опубликована заметка В. И. Ленина «Об очистке русского языка (Размышления на досуге, т. е. при слушании речей на собраниях)» ². У микрофона «Радиогазеты РОСТА» публицист беседует со слушателями на затронутую Владимиром Ильичем тему, а в конце выступления высказывает пожелание: «Пусть заметка Ленина... будет воспринята каждым товарищем в отдельности и использована серьезно, остроумно, вдумчиво по-ленински» ³.

История советского радиовещания запечатлела активное участие правдиста М. Е. Кольцова в радиопередачах и в годы первых пятилеток ⁴. О тесной связи его с работой советского радиовещания говорит и такой факт: в первомайском номере «Правды» за 1935 г. появилась большая статья «Тысяча писем», написанная М. Кольцовым в соавторстве с А. М. Горьким, о зарубежной почте Московского радио.

Отдельного рассмотрения заслуживает еще одна область неустанной и кипучей деятельности М. Е. Кольцова — *журнально-издательская*, которая развортывалась также без отрыва от газетных, правдинских дел.

«НА ПОЛЕ БИТВЫ ЖУРНАЛЬНОМ»

Именно так — и не раз! — называл М. Е. Кольцов данную область общественно-политической, остроидеологи-

¹ См. «Журналист», 1974, № 4, стр. 32.

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 49.

³ «Журналист», 1974, № 4, стр. 33.

⁴ См. «Очерки истории советского радиовещания и телевидения», ч. 1. 1917—1941. М., 1972, стр. 173, 174, 197.

ческой, литературной и публицистической деятельности, где сам он сразу же выдвинулся как один из инициативнейших ее участников. Да, прежде всего инициативнейший. Именно им, М. Кольцовым, осенью 1922 г. на страницах «Правды» был остро поставлен вопрос о крайней важности использования такого вида издания, как массовый еженедельный иллюстрированный журнал, для усиления коммунистического влияния на широкие массы трудящихся. В статье под боевым заголовком-призывом «В наступление!» публицист писал: «Не менее важно, чем газетный фронт, — журнальное поле битвы. Если на первом мы пользуемся преимуществами монополиста, то на втором мы имеем уже соперника: целую стаю буржуазных журналов, начинающих пользоваться все растущим успехом. Надо спешить, чтобы не остаться здесь за флагом»¹.

Соглашаясь в принципе с предложениями об издании ряда новых «толстых» журналов (типа выходившей тогда «Красной нови»), М. Е. Кольцов, однако, замечал: «Но гораздо срочнее наша нужда в журналах более легкого и подвижного рода: литературных, иллюстрированных, сатирических, не уступающих буржуазным по форме, бойкости и яркости, но преподносящих в этой форме красное противоядие против желтого яда...»²

Острота постановки данной проблемы станет вполне объяснимой, если вспомнить, что тогда, в начальный период нэпа, в стране наблюдалось некоторое оживление буржуазной идеологии (на это указывал в своей резолюции о печати и пропаганде XI съезд партии, состоявшийся в апреле 1922 г.), тем более что, к тому времени еще не были ликвидированы частные издательства, выпускавшие не только книги, но и некоторые виды журнальной периодики, куда порой и просачивался «желтый яд» чуждой идеологии. Административными мерами целиком проблему решить было невозможно. Партийный публицист со страниц «Правды» и ставил вопрос о «красном противоядии» в виде нашей собственной, большевистской журнальной периодики.

Но в том-то и особенность М. Кольцова как «солдата советской журналистики», что вслед за постановкой проблемы он лично участвовал в практическом ее реше-

¹ «Правда», 4 октября 1922 г.

² Там же.

нии. Мало звать в наступление, нужно идти самому; недостаточно освещать (хотя бы и правдиво и полно) ход битвы, нужно в ней самому участвовать.

М. Е. Кольцов охотно откликался на каждое живое начинание в развитии журнального дела. Стоило, например, родной «Правде» обзавестись в феврале 1923 г. своим двухнедельным иллюстрированным литературно-художественным и сатирическим журналом «Прожектор», как на его страницах тут же появились острые и злободневные кольцовские фельетоны. Но главным предметом его внимания и заботы на этом поприще было создание весной 1923 г. «своего собственного» еженедельного иллюстрированного журнала — советского «Огонька», которому предстояло в короткий срок стать одним из самых популярных изданий в стране. М. Кольцов был инициатором основания журнала, его вдохновителем, он был утвержден и его редактором.

Первый номер нового «Огонька» (старый выходил в дореволюционные годы) увидел свет 1 апреля 1923 г. Начиная издание М. Е. Кольцов с горсткой энтузиастов — с людьми, хорошо знакомыми ему еще по Киеву, по фронтовой газете либо встретившимися уже в Москве. Что касается крупных литературных сил, то одним из первых на кольцовское приглашение откликнулся великий поэт революции В. В. Маяковский. Уже для первого номера «Огонька» он дал только что написанное им стихотворение «Мы не верим!», представляющее собой взволнованный отклик на появившиеся в прессе правительственные бюллетени о состоянии здоровья В. И. Ленина¹.

Ощувив и полностью оценив еще в рукописи всю поэтическую силу маяковских строк о В. И. Ленине, М. Кольцов-редактор отвел им самое почетное место — первую страницу первого номера нового журнала, где был напечатан и портрет В. И. Ленина. Поэт становится постоянным сотрудником кольцовского журнала, живет его интересами, часто посещает редакцию, дружески беседует с редактором, с которым все больше сближается (они были друг для друга «Володей» и «Колёчкиным»)².

¹ См. *Вл. Маяковский*. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. 5. М., 1957, стр. 17—19.

² См. *Е. Ратманова-Кольцова*. Путешествие в прожитые годы. — «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей». М., 1968, стр. 245—258.

С «Огоньком» В. В. Маяковский не порывал связей до последних дней жизни, никогда о нем не забывал. Так, в начале 1930 г., написав для московских электрозаводцев «Марш ударных бригад» и посылая его в редакцию заводской многотиражки, поэт в верхнем левом углу первой машинописной страницы собственноручно написал: «Прошу согласовать печатание с тов. Кольцовым обязательно. Вл. Маяковский»¹. И сразу же вслед за газетой «Электрозавод» «Марш ударных бригад» напечатал кольцовский «Огонек»².

Любопытно, что поэт помогал также распространению полюбившегося ему журнала. На стенах московских улиц можно было видеть броскую маяковскую рекламу-обращение:

Беги со всех ног
покупать
«Огонек»³.

Спрос на «Огонек» рос, как говорится, «не по дням, а по часам»: начав с 20 тыс. экз., он еще в 20-х годах достиг почти полумиллионного тиража. Дешевый по цене, богато иллюстрированный фотоснимками и рисунками (благодаря усилиям молодых, но талантливых фоторепортеров С. Фридлянда, Р. Кармена, художников Б. Ефимова, К. Ротова и др.), увлекательный по форме литературных материалов, «Огонек» всем своим содержанием пропагандировал складывающийся советский образ жизни, успехи страны в экономике, политике и культуре, горячо поддерживал ростки нового и решительно ополчался (фельетонами, эпиграммами, карикатурами) против пережитков старого, против всего, что мешало социалистическому строительству.

Не беда, что по своему объему журнал был довольно «худ», что печатался он на сероватой бумаге (не очень приглядной была и бумага журнальной обложки) — массового читателя подкупала оперативность «Огонька» в освещении событий внутренней и международной жизни, высокий уровень мастерства его вездесущих журналистов (в том числе и фоторепортеров), постоянное наличие в журнале интересной выдумки.

¹ Вл. Маяковский. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. 10. М., 1958, стр. 358.

² См. «Огонек», 1930, № 4.

³ Вл. Маяковский. Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. 5, стр. 257.

- М. Е. Кольцова радовали успехи не только «Огонька», но и всей советской журнальной периодики. Летом 1924 г. двухнедельный журнал «Юные строители», издававшийся «Рабочей газетой», решил отметить свой, пока одногодичный, юбилей. М. Кольцов с живым интересом перечитал его годовой комплект и, выполняя просьбу пришедших к нему двух юных пионеров — членов широкой редколлегии «Юных строителей», написал в их «Тетрадь для пожеланий»:

«Пока юные строители построили хороший журнал. Впереди — постройка всего СССР.

«Огонек» приветствует своих юных друзей на общем поле битвы журнальном и желает им 1 000 000 экземпляров тиража.

Михаил Кольцов.

14/VII—24 т.»¹.

«Огонек» и сам все более расширял рамки своей работы; редакция начала выпускать и рассылать подписчикам книжечки «Библиотечки «Огонька»». Возникшее акционерное общество «Огонек» было преобразовано в Журнально-газетное объединение (Жургаз), возглавил его опять же М. Е. Кольцов. В рамках Жургаза появилось большое количество новых периодических изданий, многие из которых были непосредственно связаны с именем Кольцова. Так, под его редакцией в апреле 1926 г. Жургаз начинает издавать журнал «Советское фото», рассчитанный на широкий круг профессиональных фотографов и фотолюбителей².

Веселым и жизнерадостным детищем М. Е. Кольцова явился созданный им в конце 1928 г. сатирический и юмористический журнал «Чудак». Задумав это издание, Михаил Ефимович поспешил поделиться своими замыслами и планами с А. М. Горьким, с которым переписывался. В ответном письме из Сорренто в ноябре 1928 г. Алексей Максимович все горячо одобрил (в том числе и предложенную Кольцовым положительную характеристику самого понятия «чудак»). «Искренно поздравляю Вас, милейший т. Кольцов, — писал Горький, — с «Чудаком».

Считая Вас одним из талантливейших чудачков Союза Советов, уверен, что под Вашим руководством и при дея-

¹ Цит. по: «Юные строители», 1924, № 15, стр. 16. Факт встречи юнкором с М. Кольцовым — по личным воспоминаниям. — Б. В.

² См. «Советское фото», 1976, № 1, стр. 26.

тельном участии таких же бодрых духом чудодеев журнал отлично оправдывает знаменательное имя свое». И продолжал: «Что есть чудаки? Чудаки есть человекоподобное существо, кое способно творить чудеса, невзирая на сопротивление действительности, всегда — подобно молоку — стремящейся закиснуть»¹.

Письмо А. М. Горького и его сатирическая заметка «Факты» за подписью «Самокритик Словотеков» были напечатаны в вышедшем вскоре первом номере «Чудака». Журнал сразу же блеснул яркостью имен сотрудничавших в нем (а до этого в «Огоньке») литераторов-сатириков («бодрых духом чудодеев»), таких, как В. Маяковский, Д. Бедный, И. Ильф и Е. Петров, Е. Зозуля, Г. Рыклин, В. Катаев. В нем работали художники Б. Ефимов, К. Ротов, Кукрыниксы и др. Тон задавал сам редактор — М. Кольцов, выступая в каждом номере со своеобразной передовицей-фельетоном под постоянной рубрикой «Календарь «Чудака»». Необычны были и жанр (передовица в сатирическом журнале), и тематика этих выступлений, о чем говорят их заглавия: «О ханжах», «О модах», «О цитатах», «О диспутах», «О досадных опечатках» (в номер ко Дню печати), «О вечной молодости», «О пропащем времени», «О громких словах и тихих делах», «О семи чудесах города Рязани» (в специальном номере журнала «Звездный пробег «Чудака»») и т. д.

Страна жила в это время интересами борьбы за выполнение первой пятилетки. Своими средствами — сатирой и юмором — «Чудак» участвовал в этой борьбе. Один из его номеров (№ 15 за 1929 г.) целиком был посвящен теме «Пятилетка»; он открывался передовой статьей редактора «О пятилетке». Против отстающих, тянущих назад была направлена передовица-фельетон «О пятилетке в восемь лет» (1930 г., № 2). Передовая «О режиме, который начинают забывать» призывала к режиму экономии (1929 г., № 26).

«Чудак» просуществовал недолго — с декабря 1928 по февраль 1930 г. За это время вышло 56 номеров (в том числе более 40 с кольцовскими «передовицами») и несколько десятков книжек «Библиотечки «Чудака»». Затем журнал был слит с «Крокодилом», в котором вместе с другими чудаковцами стал сотрудничать и М. Кольцов (позже, в 1934 г., он был назначен редакто-

¹ Цит. по: «Новый мир», 1956, № 6, стр. 150—151.

ром «Крокодила» по совместительству с редактированием «Огонька» и работой в «Правде»).

В определенной степени кольцовского «Чудака» можно считать журналом экспериментальным: многое испробованное в нем и оказавшееся удачным вошло потом в творческий арсенал сатирической периодики.

Тем временем расширение сети периодических изданий продолжалось. Только что возникшее в стране добровольное общество Автодор начинает выпускать журнал «За рулем». Издание его берет на себя возглавляемый М. Е. Кольцовым Жургаз, а сам Кольцов становится членом его редколлегии.

По инициативе А. М. Горького с 1929 г. Госиздатом было предпринято издание ежемесячного журнала «За рубежом», посвященного событиям иностранной жизни. Но с этим важным и ответственным делом не справлялись ни редколлегия, ни издательство, что вынудило А. М. Горького в июне 1932 г. обратиться в Культпроп ЦК ВКП(б) с просьбой о вмешательстве в их работу и с предложениями по коренной перестройке издания¹.

В соответствии с предложениями писателя выпуск «За рубежом» был передан Жургазу. Журнал стал более оперативным, боевым и содержательным двухнедельником, а затем и ежедекадником, приобретя своеобразную форму «толстой» газеты. Он выходил тогда (с ноября 1932 г.) под совместной редакцией А. М. Горького и М. Е. Кольцова. О том, что их работа по руководству изданием была действительно совместной, убедительно рассказывает оживленная переписка между соредакторами, а также обстоятельная статья Михаила Ефимовича «М. Горький — редактор «За рубежом»», написанная вскоре после кончины писателя².

Но «За рубежом» — это лишь один из многочисленных примеров совместной работы писателя и журналиста. В конце 20-х и начале 30-х годов по инициативе А. М. Горького и под его руководством стал издаваться еще ряд журналов, среди которых особое место занимал журнал «Наши достижения». М. Кольцов входил в состав его редколлегии, руководил отделом культуры, был одним из ведущих публицистов и очеркистов.

¹ См. «Новый мир», 1956, № 6, стр. 166.

² См. «За рубежом», 1936, № 18 (122), стр. 411 (по общегодовой нумерации страниц).

В возглавляемом М. Е. Кольцовым Жургазе находили достойное воплощение многие замыслы А. М. Горького, например выпуск серий книг «Жизнь замечательных людей» (именно отсюда идет родословная «ЖЗЛ»), «История молодого человека XIX столетия», «Исторические романы», «Литературное наследство» и др. Михаил Ефимович много сделал также для того, чтобы помочь Горькому сплотить большие творческие коллективы писателей и журналистов вокруг таких начинаний, как выпуск литературно-художественного и публицистического труда «Две пятилетки», а затем и книги «День мира» (отразившей один день — 27 сентября 1935 г. — в жизни всей планеты)¹,

Но главной продукцией Жургазы была все же периодическая печать. Уже к 1931 г., когда акционерное издательское общество «Огонек» решением правительства было преобразовано в Журнально-газетное объединение, в его систему входило около 30 журналов и газет — органов крупнейших советских культурных, литературных, технических и прочих объединений и добровольных обществ². Как председатель правления Жургазы, М. Е. Кольцов занимался всеми вопросами, связанными со своевременным выходом изданий в свет, с качеством бумаги и печати, с хозяйственной деятельностью. Вдохновляющим примером для него постоянно был А. М. Горький. В одном из писем к великому пролетарскому писателю (декабрь 1931 г.) Кольцов писал: «Лично я, следуя Вашему примеру, охотно занимаюсь издательским делом как неразрывным продолжением дел литературных и полагаю такой метод правильным для литератора-большевика...»³

Как же М. Е. Кольцов мог справляться с таким «многопольным» редакторско-издательским хозяйством, оставаясь при этом не просто сотрудником «Правды», а одним из основных, ведущих ее сотрудников (с середины 30-х годов еще и членом ее редакционной коллегии)? «Секрет» этого дела охотно раскрывал в беседах с коллегами сам Михаил Ефимович. «С улыбкой на глазах» он говорил как-то писателю и журналисту И. С. Шкапе: «Не стремитесь все делать один — по принципу: сам ло-

¹ См. «Новый мир», 1956, № 6, стр. 149—166.

² См. «Михаил Кольцов, каким он был», стр. 232.

³ «Новый мир», 1956, № 6, стр. 155.

вил, сам солил, сам и продаю! Это невозможно! У вас не будет ни отдыха, ни дела! Подберите грамотных помощников — это основное! Распределите работу, возложите на каждого ответственность! Доверяйте людям! — внушал он. — Проверяйте с тактом, не задевая самолюбия, пока не уверитесь вполне. Щедро отдавайте свой опыт, делитесь своими производственными «секретами»... Срабатываете с людьми — и тогда у вас будет время и на поездки, и на писание, и на редактирование. Организация и самоорганизация везде и всегда — основа основ»¹.

Именно потому М. Е. Кольцов и мог справиться со своими обязанностями, что он обладал умением подобрать для каждого отдельного участка деятельности способных, талантливых, инициативных и дисциплинированных людей, доверять им и систематически, тактично проверять их, помогать им, когда это было необходимо, а главное — спланировать вокруг живого и важного для страны, для партии дела. Отмечая это, следует еще раз подчеркнуть: основным поприщем для М. Е. Кольцова всегда оставалась газета «Правда». «Чем бы он ни занимался, где бы он ни находился, — он был прежде всего журналистом «Правды»»².

НЕМЕРКНУЩАЯ ТЕМА: ЛЕНИН

Видное место в творчестве М. Е. Кольцова как публициста и очеркиста занимает ленинская тема, к которой он возвращался снова и снова на протяжении всех 20-х и 30-х годов.

Большим счастьем для себя Кольцов считал то, что ему не раз довелось видеть и слышать Владимира Ильича. Так, в июле 1920 г., находясь в Петрограде, он вместе с одним из своих друзей — писателем Л. Никулиным присутствует в Таврическом дворце на открытии II конгресса Коминтерна и слушает доклад В. И. Ленина. «Слушали, стараясь не проронить ни одного слова»³. В декабре того же года Михаил Ефимович уже в Моск-

¹ И. Шкапа. Семь лет с Горьким. Воспоминания. М., 1964, стр. 133.

² В. Маевский. Солдат советской журналистики. — «Правда», 12 июня 1973 г.

³ Л. Никулин. Годы нашей жизни. Воспоминания и портреты. М., 1966, стр. 281.

ве — присутствует на VIII Всероссийском съезде Советов, где обсуждался и утверждался исторический по значению и весьма сложный для тогдашних условий план ГОЭЛРО. То, что видел и слышал на съезде молодой обладатель мандата «Правды», еще много лет будет находить отражение в его очерках и статьях («Ленин на съездах», «Рождение первенца», «По поручению директора», «Только одна страница» и т. д.).

В публицистике следующих лет М. Е. Кольцов рисует замечательный образ В. И. Ленина — вождя и человека, у которого слово и дело, жизнь и борьба, идеи и действия находились в нерушимом единстве всегда и во всем. «Человек из будущего» — так назвал публицист свою большую взволнованную статью, первая часть которой была написана и опубликована в тревожные дни весны 1923 г., когда страна затаив дыхание следила за правительственными бюллетенями о состоянии здоровья Владимира Ильича.

Автор убедительно показывает и подлинное величие, и подлинную скромность, простоту, *народность* пролетарского вождя, показывает, почему «и физически болен пролетариату, когда Ленин болен». «Отлично известно, — писал М. Кольцов, — отношение партии к Ленину. Единственное в истории неповторимое сочетание доверия, благоговения, восхищения с дружеской, фамильярной спайкой, с грубоватой рабочей лаской, с покровительственной заботой матери о любимом сыне. В. И. Ульянов-Ленин — грозный глава Республики-победительницы, и Ильич — простой, близкий, старший брат. Не было никогда, нигде такой всесторонне сплетенной связи полководца с войском, политического вождя с единомышленниками»¹.

Эта статья, местами приобретающая характер художественного очерка, построена на множестве живых примеров из нашей и международной действительности и на ряде исторических аналогий. Так, например, в ней говорится: «Есть и было много крупных, даже великих личностей, объективно сделавших на своем веку много исторически ценного, важного, хорошего. Но часто это были сухие, мрачные, неприятные люди, колючие и нетерпимые в обращении, самонадеянные, самовлюбленные, гениально вздорные.

¹ М. Кольцов. Фельетоны и очерки, стр. 193.

Ленин как личность был устроен гармонически. Величие мирового исторического Ленина нисколько не задавило и не ущемило человека и партийца Владимира Ульянова»¹. При этом Кольцов подчеркивает тот знаменательный факт, что «в Ленине даже враги его видят человека будущего, пионера оттуда, из мира *осуществленного* коммунизма — мира, который раньше или позже, с отсрочкой или без, но все равно наступит»².

М. Е. Кольцов был членом ленинской партии, ее верным солдатом. Он был сотрудником ленинской «Правды», работал с сестрой Владимира Ильича — М. И. Ульяновой. Ему, как уже отмечалось, не раз выпадало счастье видеть и слышать великого Ленина. Не трудно себе представить, какой нестерпимой болью в сердце художника и публициста отозвалась в январе 1924 г. скорбная весть о кончине В. И. Ленина. «В глубокую ночь, в морозную мглу, — писал он тогда в очерке «Последний рейс», — поехали старейшины великого племени большевиков туда, откуда надо было получить недвижимое тело почившего вождя. Привезти и показать осиротевшим миллионам»³.

Нельзя без волнения читать этот кольцовский очерк — скорбный репортаж из Горок о проводах В. И. Ленина в «последний рейс» в Москву. Обращает на себя внимание лаконичность стиля очерка и в то же время стремление автора передать (а стало быть, и сохранить для истории) каждую драгоценную деталь в описываемых событиях. Кольцов выступает здесь не только как свидетель события, но и как его участник. Вместе с другими большевиками и ему, партийному публицисту-правдисту, довелось нести на руках гроб с телом любимого вождя на пятикилометровом пути по снежной степи до железнодорожной станции.

Проста и в то же время полна подлинного пафоса концовка очерка: «Несем. Уже желтеет домик станции. Оттуда, начиная с полотна железной дороги, ждет Ленин пролетариат земного шара: Европа, Америка, телеграф, радио, конденсированная скорбь рабочих кварталов всех мировых столиц. Но эти пять верст пешком, по дорожке — наша русская революция, ее тысячеверстный

¹ М. Кольцов. Фельетоны и очерки, стр. 195.

² Там же, стр. 200.

³ «Правда», 24 января 1924 г.

размах над снежными пустынями, ее суровая стихия, разбуженная и направленная великим Лениным, железным вождем рабочих, вождем и другом крестьян»¹.

В январе же 1924 г. в очерке «Жена. Сестра» М. Е. Кольцов, снова возвращаясь к образу Ленина — вождя и человека, рисует рядом с ним яркие образы двух его ближайших и преданнейших помощниц — Н. К. Крупской и М. И. Ульяновой. «Десятилетиями партия, — писал он, — видела две женские фигуры около Ленина. Жену. Сестру»². Напомнив о неутомимой деятельности этих двух коммунисток в тяжелейших условиях большевистского подполья, революционных лет, Кольцов показывает затем, какая титаническая работа в помощь Ленину легла на их плечи в годы Советской власти. А в период тяжелой болезни Владимира Ильича в Горках? «Если болезнь притихала на полдня, на день, на два, уже Крупская — к письменному столу в Главполитпросвет, к бою с чудовищем российского невежества, уже Ульянова — на санях, в мороз, трясаясь в вагончиках Павелецкой дороги, скорей, запыхавшись, шапка съехала набок — в «Правду», в комнату рабкоров»³.

Очень образно, всего несколькими фразами публицист характеризует историческое дело жены и сестры В. И. Ленина в первые годы Советской власти:

«Надежда Константиновна учит Россию, безграмотную страну рабочих и крестьян, читать.

Мария Ильинична учит рабочий класс писать. Она вкладывает в перепачканную руку пролетария перо:

— Пиши о себе»⁴.

Глубоким уважением, признательностью к этим женщинам пронизаны и такие строки очерка: «У нас так много толковали, чесали языки о коммунистическом быте, о семье рабочего и партийца, вычисляли, через сколько сотен лет придет проектируемый быт. Но вот, смотрите, коммунистический быт уже среди нас! Семья Ленина. Это так же изумительно, как Ленин. Это так же просто, как Ленин... Владимир Ильич пришел к нам из будущего... Его семья — жена, сестра — тоже семья из будущего коммунистического мира»⁵. Автор очерка направляет

¹ М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 75.

² Там же, стр. 76.

³ Там же, стр. 77.

⁴ Там же, стр. 76.

⁵ Там же, стр. 76—77.

все свои усилия к тому, чтобы такие подлинно ленинские черты этих двух коммунистов, как благородная скромность, самоотверженность, безграничная преданность великому делу строительства коммунизма, стали предметом для подражания тысяч и тысяч советских людей.

К тому же периоду относится и статья-обозрение М. Е. Кольцова «Январские дни». В центре внимания публициста коммунистические газеты — советские и иностранные, появившиеся в них в ленинские дни материалы о поистине огромном влиянии на весь ход событий в мире имени В. И. Ленина и его идей.

«Ленина хватило для всех, — заключает статью М. Кольцов, — и для Лондона и для Бугуруслана. Лениным прохвачено все. Пачка газет, пачка листов, взлетевших на разных концах мира в двадцатые числа января, в свежие морозные ленинские дни. Если бы листы могли жить... Они живут! В них шелестит мировой ленинский сквозняк»¹.

Та же тема — о всемирно-историческом значении многогранной деятельности В. И. Ленина, революционизирующем влиянии его идей — разрабатывается публицистом и в статье-очерке «Юность Коминтерна»² (1924 г.), построенном на живых исторических и современных фактах, показывающих огромный размах коммунистического движения во всем мире как воплощение в жизнь того, что было задумано Лениным и его соратниками. Публицист говорит и о героях этого движения, и о его изменниках.

Оказавшись в 1927 г. (год десятилетия Великого Октября) в одной из Балканских стран, в маленькой Боснии, М. Е. Кольцов и там нашел убедительные свидетельства безграничной любви и уважения, которые питают люди труда к В. И. Ленину, его делам, ко всему, что он написал и сказал. В одном из очерков — «На желтом бастионе»³ публицист рассказал, как ему довелось присутствовать в г. Сараево на конспиративной читке ленинского произведения, переведенного на местный язык и любовно переписанного в «ленинскую тетрадку». К советскому журналисту «пришли некоторые люди и тихо сказали странные слова:

¹ М. Кольцов. Фельетоны и очерки, стр. 211.

² См. М. Кольцов. Сотворение мира, стр. 219—230.

³ См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 2, стр. 69—73.

— Пойдем слушать Ленина. Сегодня вечером...»¹

И вот, попав с помощью провожатого в условленное место, М. Е. Кольцов увидел, как усевшиеся вокруг чтеца — парня в ученической блузе — около пятнадцати человек, видимо рабочих, одетых «так грубо и бедно, как можно одеваться только на Балканах», с напряженным вниманием слушали то, что было написано Лениным в год Великой Октябрьской социалистической революции. Внимательно прислушавшись, Кольцов быстро уловил по знакомым терминам, какое именно ленинское произведение читают: «Ленин! «Удержат ли большевики государственную власть»! Вторая часть брошюры. Здесь слушают брошюру Ленина о захвате власти...»

Описав затем картину горячего обсуждения собравшимися прочитанного, публицист дает обобщающую концовку: «По всей земле, за далекими морями, всюду, где только бьется в тисках угнетения несокрушимая человеческая воля, — всюду втихомолку в лачугах, в подпольных норах, за спиной у телохранителей капитализма растущим грозным шепотом занимаются бесчисленные ленинские институты, всюду предвещающе шелестят нелегальные рукописные потайные, неискоренимые ленинские тетрадки».

Многими своими публицистическими (зачастую художественно-публицистическими) произведениями М. Е. Кольцов активно участвует в пропаганде идейного наследия В. И. Ленина, помогает «Правде» не навязчиво, но настойчиво, целеустремленно внедрять в сознание каждого коммуниста, каждого советского человека как первейшую жизненную потребность — изучать Ленина, повседневно «советоваться с Ильичем».

Возьмем хотя бы выступление М. Е. Кольцова «Перебирая книги» (1925 г.)¹. Вот как оно начинается:

«У каждого из нас есть Ленин.

Избранный, сокращенный, в одной, в двух книжках или полный — коричневым штабелем картонных переплетов, или в новейшем издании, большими, красивыми, крепкими томами, со строгим тиснением.

Он стоит на полке или разбросан по столу, он всегда в движении, всегда в споре, всегда в разборе, как ходкий прибор в инструментальной мастерской на большом заводе».

¹ См. М. Кольцов. Сотворение мира, стр. 212—218.

Кольцов рассказывает далее о том, что побывал в заводских библиотеках, смотрел там экземпляры книг — произведений В. И. Ленина, видел (он их приводит) читательские пометки, реплики на полях книг, свидетельствующие о глубоком интересе, живом и тонком восприятии трудами ленинских мыслей, оценок, суждений, непревзойденного полемического мастерства Владимира Ильича.

«...Есть Ленин для всех нас, — говорил М. Кольцов. — И есть, кроме того, у каждого из нас свой Ленин, свое какое-то одно, затерянное в одном томе, на одной странице место, где сказано именно о тебе, для тебя.

Оно дорогое, его знаешь наизусть, оно висит на стенке или крепко прибито в голове». Для рабочего-электрика это ленинские слова об электрификации; киноработники несут на своем знамени кратчайшую и ярчайшую формулу-фразу Ленина о кино и т. д. А что же самое близкое, дорогое, важное для самого М. Кольцова? Он не делает из этого секрета. Вот читайте:

«Большевик-литератор, газетный работник могут найти у Ленина целую уйму мест, касающихся непосредственно их работы. Из них самое любимое для нас — письмо к Мясникову. Знаю на память — в восемнадцатом томе оно, в первой части, на триста тридцать восьмой странице» (заметим: эти «координаты» Кольцов указывал, имея в виду одно из первых изданий Собрания сочинений В. И. Ленина, каким в те годы он пользовался).

Восторженно отзываясь публицист о духе, стиле, тоне этого письма, полного исторического оптимизма, веры в успех социалистического строительства, непримиримости к недостаткам, ко всякого рода буржуазно-литературным шатаниям: «Неувядающее, живое письмо. И сколько оно еще будет оживлять, сколько раз будет поднимать опущенные руки, сколько раз будет после журналистских неудач взъерошивать застывшую волю, считать уныние простыми, горячими и в то же время чуть-чуть улыбающимися словами!»

М. Е. Кольцов напоминает, что в 1921 г. Мясников, тогда еще коммунист, но уже «спускавшийся без тормозов к меньшевизму», выступил с требованием всеобщей свободы печати (фактически — свободы печати для буржуазии), а в качестве главного довода выдвинул наличие безобразий и злоупотреблений, которые должны были

якобы искореняться при помощи его, мясниковской, свободы печати. Владимир Ильич в своем письме разоблачал антипартийный, антипролетарский характер, вредную бессмыслицу мясниковского лозунга в советских условиях.

М. Кольцов напоминает читателям принципиально важный совет и завет В. И. Ленина из «Письма Г. Мясникову»:

«Почему бы испугаться *черной* работы (злоупотребления *травить* через ЦКК, через партийную прессу, через «Правду»)? От неверия в черную работу, медленную, трудную, тяжелую, люди впадают в панику и ищут «легкого» выхода: «свобода печати» (*для буржуазии*)»¹.

Приведя эти ленинские слова, М. Е. Кольцов тут же убедительно показывает, как последовательно и в каких широких масштабах Коммунистическая партия проводит в жизнь советы и заветы своего вождя в деле обеспечения подлинной свободы печати для трудящихся масс:

«На столбцах восьмисот газет и восьмидесяти тысяч стенных газет больше четверти миллиона рабоче-крестьянских корреспондентов борются изо дня в день со всеми болезнями нашего государства, нашего хозяйства. Мы уже сделали не в сто, а в тысячу раз больше прежнего. Именно ленинским путем трудящиеся нашей страны осуществили свою свободу печати. Они ее не передадут никому из тех, кого приглашал Мясников! Мы травим злоупотребления, мы вскрываем их через партийную прессу, а именно враги и вредители нашего дела мечтают, как бы эту самую свободу советской печати куда-нибудь заткнуть. Так сбывается каждая строчка ленинских книг!»

Каждая строчка. Каждая страница. Это публицист убедительно подтверждает во многих своих газетных выступлениях. Одно из них так и названо: «Только одна страница» (декабрь 1930 г.). Это очерк-корреспонденция с Днепростроя. Живо и обстоятельно, образно и правдиво здесь показано, как самоотверженным трудом масс на деле осуществляются ленинские предначертания по электрификации, социалистической индустриализации страны. Назвав строительство г. Запорожья и сооружение Днепровской гидроэлектростанции одним из маяков

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 82.

на пути к социализму, М. Кольцов заканчивает свое публицистическое выступление следующей концовкой: «Маяк — не один. Плотины и новых городов много. Их столько, сколько есть страниц в ленинском томике приказов. И приказы будут выполнены и все страницы совершенны»¹.

Примечателен и очерк «По поручению директора»². Это своеобразный репортаж с заседаний V Всесоюзного съезда Советов (май 1929 г.), на котором утверждался первый пятилетний народнохозяйственный план. Автору как нельзя более к месту пригодились выхваченные из кладовых памяти воспоминания о работе другого съезда Советов — VIII Всероссийского, происходившего в 1920 г. и утверждавшего с участием В. И. Ленина план ГОЭЛРО. Докладчиком там и здесь был Г. М. Кржижановский — председатель Госплана, «ленинский инженер», действующий «по поручению директора» — В. И. Ленина. Между съездами — девять лет, наполненных крупнейшими событиями в жизни страны. Назывались съезды по-разному, но «вопросы, тревоги, цели... почти те же», замечает публицист.

Оба съезда проходили в Большом театре, на том и другом на сцену спускалась громадная карта: на VIII Всероссийском — электрификации страны, на V Всесоюзном — новостроек только что начавшейся первой пятилетки. «Эта новая карта горит всеми цветами. Так пестра и многоцветна жизнь, творческая работа разбуженной Лениным страны».

М. Е. Кольцов рассказывает о зачитанном на втором из названных съездов Г. М. Кржижановским письме, полученном им от В. И. Ленина («от директора») еще в 1920 г., накануне составления плана ГОЭЛРО³: «Письмо краткое, торопливо написанное, откровенное, рассчитанное на понимание с полуслова.

В письме были поручения. Указывались, хотя и приблизительно, цифры. Давались, хотя и осторожно, сроки. Энергичные выражения. Подхлестывающие восклицания, вплоть до упоминания черта. И в конце письма —

¹ М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 385.

² См. там же, стр. 351—354.

³ М. Кольцов имеет в виду письмо В. И. Ленина Г. М. Кржижановскому от 23 января 1920 г. (см. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 62—63).

просьба позвонить по телефону, сообщить, как идет дело с поручениями».

Эту по-своему драгоценную деталь публицист передает в начале очерка-репортажа. С ней полностью перекликается и пафосный строй его концовки: «Нет в мире такого телефона, по которому можно было бы позвонить нашему директору и сказать: поручение выполняется, идет хорошо! Нет самого директора. Но приказы ~~его~~ — воплощаются в жизнь сотнями миллионов людей, неустанно и уверенно, как будто бы сам он, живой, понукает и смеется, сердится и одобряет. Выполняются приказы, черт возьми!»

Ленинской теме М. Е. Кольцов остался верен и во все последующие годы.

ОН УМЕЛ ПИСАТЬ ОБО ВСЕМ ПО-СВОЕМУ, ПО-КОЛЬЦОВСКИ

Нет никакой возможности даже кратко очертить тематику и проблематику кольцовской публицистики; это вся наша советская действительность, международная жизнь во всем ее многообразии. А жанры? Известное изречение «Все жанры хороши, кроме скучного» в применении к творчеству М. Е. Кольцова можно было бы интерпретировать так: он не только признавал и ценил все жанры публицистики, но и умел успешно применять их. А уж чего он органически не переносил, так это произведений «скучного жанра». Если сказать наиболее точно, то он прекрасно знал, что ни один из известных нам газетных жанров не является по своей природе скучным, таковым его делают бесталанные и ленивые ремесленники своего дела.

За какую бы тему Михаил Ефимович ни брался, какой бы жанр ни использовал, любое его выступление в печати было свежо и актуально, а потому и получало отклик в умах и сердцах читателей.

В литературно-публицистическом наследии М. Е. Кольцова мы находим такие жанры, как публицистическая статья, памфлет, путевой политический очерк, ретроспективный историко-революционный очерк-фельетон, политический или литературный портрет, сатирическая новелла (как, например, «Иван Вадимович — человек на уровне»¹ в первом выпуске горьковского альманаха «Год шестнадцатый» в 1933 г.). Есть в нем и корреспонденции, и репортажи, и рецензии, но на первом месте всегда неизменно стоял фельетон. В развитие и утверждение этого жанра публицист вложил немало сил,

¹ См. *М. Кольцов. Избранные произведения* в 3-х томах, т. 1, стр. 474—490.

энергии, таланта. Под его пером фельетон превратился в жанр безгранично широких возможностей, впитав в себя и многие важные элементы других жанров, больше всего, пожалуй, очерка. Врат всякого шаблона, М. Е. Кольцов нередко создавал такие синтетические произведения. Они действовали на читательскую аудиторию особенно сильно и именно в том направлении, которое было публицистом как бы запрограммировано.

ОРУЖИЕМ ФЕЛЬЕТОНА

Высокого мастерства и широкой популярности М. Е. Кольцов достиг больше всего, как уже отмечалось, в жанре фельетона. Немало пришлось ему поработать над критическим, обличительным фельетоном. Готовя его, он постоянно помнил ленинское указание о решительной, истинно революционной войне против «конкретных носителей зла».

Руководством к действию для публициста была и та высокая оценка, какую дал В. И. Ленин сатирическому стихотворению Вл. Маяковского «Прозаседавшиеся», прочитав его 5 марта 1922 г. в «Известиях». Выступая на следующий день с речью «О международном и внутреннем положении Советской республики», Владимир Ильич так отозвался об этом «стихотворении на политическую тему»: «...давно я не испытывал такого удовольствия, с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а насчет политики ручаюсь, что это совершенно правильно»¹.

М. Е. Кольцов не только порадовался за поэта — друга и соратника, но и сам во всю силу таланта своим фельетонистским оружием тоже стремился «вдрызг высмеивать» все вредное и чуждое, в какие бы одежды оно ни рядилось: «прозаседавшихся», обюрократившихся, плодящих ненужные бумаги; бичевать нарушителей партийной, государственной и трудовой дисциплины, тех, кто срывал планы, пренебрегал требованиями коммунистической морали и нравственности, и других «конкретных носителей зла».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 13.

Таким острокритическим является, например, фельетон «Куриная слепота», напечатанный в «Правде» 22 марта 1930 г. В нем едко высмеивается вредная затея работников из высоких планово-статистических инстанций проводить в разгар происходящих в деревне процессов, связанных с коллективизацией сельского хозяйства и первой массовой колхозной посевной кампанией, всеобщую перепись куриного поголовья. Это могло лишь еще более усложнить обстановку в деревне, дать повод для вражеской кулацкой агитации против колхозов («сегодня, мол, учтут, а завтра все обобществят, отберут» и т. д.). Написан фельетон в форме официальной (к тому уже конфиденциальной) докладной записки М. Е. Кольцова на имя соответствующего госплановского должностного лица. Заканчивается он как бы личным советом автора (советом деловым, хотя и остроироническим) этому должностному лицу:

«Ведь вот хорошо — я пишу вам строго по секрету. А вдруг предадут эту штуку огласке? Вдруг попадет ваша директива в газеты? Да еще в центральные! В самое «Правду» попадет!! И пропишут вам, рабу божьему, все-союзно!

Ужас только подумать. Засмеют, проходу не дадут...

Нет, товарищ Лишевский, давайте без споров, а просто послушайте бывалого человека. Немедленно, по телеграфу, отмените насчет курей.

Преданный вам,

с курино-статистическим приветом

Михаил Кольцов»¹.

Можно не сомневаться — «директива насчет курей» действительно была отменена, и по телеграфу. Но опубликование «Правдой» кольцовского фельетона дало больше: оно помогло местным партийным и советским органам внести успокоение в широкие круги трудового крестьянства и лишило кулацкие элементы возможности воспользоваться грубой оплошностью ведомственных чиновников. Что касается концовки фельетона, то подобный литературный прием присущ и для некоторых других произведений публициста.

¹ М. Кольцов. Избранные прозаические произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 392.

Общеизвестно и общепризнанно мастерство М. Е. Кольцова в создании фельетона. И это не было умением писать по какому-то, пусть даже самому высокому, стандарту. Для Кольцова были характерны постоянные поиски и находки во всем — будь то заголовок, зачин, запев, угол зрения при разработке, трактовке темы, сюжет, образный строй или, наконец, заключительный аккорд, достойно венчающий создаваемое публицистическое произведение. Неизменным оставалось только одно — решительный разрыв с шаблоном, с тем, «как принято».

Вот несколько из кольцовских так называемых ежедневных бичующих и обличающих фельетонов начала 30-х годов. Фельетон «Метатели копий». В нем речь идет не о мастерах легкой атлетики, как можно было бы подумать, судя по заголовку, а о тех хозяйственных работников и органах, которые чуть ли не в спорт превратили рассылку копий своей межзаводской и межуправленческой переписки по всем высоким — руководящим и контрольным — инстанциям («Зачем?! Неизвестно. На всякий случай», в порядке перестраховки). Эта эпидемия плодила не только массу совершенно лишних служебных бумаг, но и безответственность тех, кто должен был сам все решать на месте, обеспечивая оперативность в работе.

Автор приводит много поистине анекдотических примеров из такого «копийметания», едко разоблачает и «конкретных носителей зла», состоящих в несомненном родстве с высмеянными Вл. Маяковским «прозаседавшими».

Своеобразна и концовка фельетона. Она убийственно-иронична именно нарочитой спокойностью тона и как бы невзначай повторенной фразой. «Нас, — пишет фельетонист, — упрекают в повторении. Уже был фельетон на ту же тему. Тогда же был издан строжайший приказ по ВСНХ — не заниматься рассылкой излишних копий по учреждениям.

Да... но за год ничего не изменилось. Все случаи, приведенные нами, произошли уже после фельетона и после приказа.

...Стоит ли тогда еще раз возвращаться к тому же? Надо ли опять писать?

Зачем?!

Неизвестно. На всякий случай. А может быть, теперь поможет»¹.

М. Е. Кольцов не был сторонником простого, повествовательного построения фельетона, при котором последовательно излагается его фактический материал, сопровождаемый авторскими «красочными» деталями и всякого рода остротами. Впрочем, он и не отвергал права своих коллег пользоваться подобным способом. Для него главное в другом — в сопоставлении или противопоставлении двух или нескольких фактов, из столкновения которых рождается фельетонная искра, не только окрашивающая все произведение в нужные тона, но и придающая ему наиболее действенную и эффективную силу.

Фельетон «Акробаты кстати»² начинается с увлекательного описания выступления на арене Московского цирка знаменитого советского клоуна В. Лазаренко. Свет прожекторов, акробатический прыжок над выстроенными в ряд десятью лошадьми, оркестр, буря аплодисментов... Автор восторженно отзываясь об этом представлении. Но тут же переходит к другим, совсем не похвальным «прыжкам» и «рекордам», поставленным не на арене цирка, а на поприще проектирования и строительства одного из столичных зданий, где допущены огромные перерасходы денежных средств, металла и других материалов, а в результате так и не создано того, что было обещано и широко разрекламировано. Фельетонная искра дала нужный эффект.

И таких сопоставлений, аналогий, ассоциативных картинок в публицистических выступлениях М. Е. Кольцова немало. Он очень тщательно готовился к написанию каждого, в особенности критического, фельетона: отбирал объекты для критики, проверял факты, серьезно взвешивал те результаты, которые может дать опубликование произведения, а в зависимости от этого — целесообразность или нецелесообразность его написания.

Особого рассмотрения требует вопрос о так называемом *положительном* фельетоне, само существование которого вообще, а стало быть, и в творческом наследии М. Кольцова многими теоретиками журналистики ста-

¹ М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 412—413.

² См. там же, стр. 393—398.

вится под сомнение или даже (без достаточных, на наш взгляд, оснований) категорически отвергается.

Серьезно ошибаются те, кто отождествляет положительный фельетон с беззубым, приукрашательским, бесконфликтным. «Раз нет сатиры, нет обличения, значит — не фельетон», — рассуждают некоторые скептики. Думается, прав был Б. Егоров, утверждая, что «фельетон — жанр универсальный. Надо лишь уметь разговаривать нужным языком и в нужной, соответствующей материалу тональности»¹.

Такое определение вполне соответствует и высказываниям М. Е. Кольцова, и его журналистской практике. Фельетон всех видов и типов у него всегда был оружием критикующим и утверждающим. Об этой новаторской черте его творчества очень хорошо сказал Д. Заславский: «Кольцов создал в «Правде» лирический фельетон, фельетон глубоких чувств. Он ненавидел врагов Родины и социализма и умел выразить эту ненависть. Он горячо любил новых людей, строящих социализм, любил революционеров, зарубежных братьев по духу и умел выразить это в строках, похожих на стихотворение в прозе»².

Блестящим образцом «политической лирики» М. Кольцова, несомненно, является фельетон, которым он в 1924 г. откликнулся на денежную реформу, прошедшую в один из первых годов осуществления новой экономической политики, — на замену обесценивавшихся с каждым днем «совзнаков» твердой советской валютой — червонцем, рублем, серебряным гривенником. В типографском наборе фельетон занял 145 строк. Кольцов так его и озаглавил: «145 строк лирики»³. Необычен был уже сам зачин фельетона:

«Сгоните с лиц улыбки, я пришел с некрологом.

Мрачные совработники, хмурые хозяйственники с беременными портфелями, веселые пролетарии и удрученные буржуи, коммунисты, беспартийные — честные и нечестные деревенские шкрабы (школьные работники. — Б. В.), спекулянты, рвачи, пенкосниматели, все добродетельные и злодейские персонажи великого российского детства, встаньте.

Преклоните головы.

¹ «Журналист», 1969, № 2, стр. 31.

² «Советская печать», 1962, № 5, стр. 36.

³ См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 79—82.

Почтите память усопших.

Совзнак скончался. Гривенник родился».

Вся первая половина фельетона посвящена «покойному». В лаконичной и образной форме прямого обращения к «совзнаку» М. Кольцов припоминает его тяжелый, но славный путь — от самого рождения и до последних дней: «Вместе с босыми красноармейцами ты победил, тощий совзнак, упитанные кредитки с Петром Великим и царицей Катенькой. Ты остался один править на Руси. И с нэпом получил признание де-юре». Правда, трудности на этом не кончились и курс дензнаков продолжал падать. Читателю хорошо были знакомы времена, когда «вчера уплачено за газету совзнаками один «лимон», а сегодня — два. Смерть подкосила тебя, совзнак, вкрадчиво и неожиданно, во дни астрономического расцвета, накануне нового этапа, когда ты собирался даровать жизни новое слово «трллион».

Червонец, сытое дитя новой эпохи, нового поколения, сразил тебя, истощенного холодом, голодом и блокадой...

О тебе, — заканчивает свое обращение к «совзнаку» фельетонист, — не будут плакать. Но никто не сердится на тебя. Честное слово!»

В действительности вся эта часть фельетона представляет собой задушевный разговор с читателем советской газеты, как бы напоминание ему: вспомни, как мы жили, как боролись за свою социалистическую Отчизну, что нам пришлось перенести и к чему мы пришли, чего добились. Добились очень и очень важного: твердого рубля, червонца, своего, советского гривенника. Ему, этому гривеннику, Кольцов и посвящает свое восторженное слово во второй половине фельетона.

Своеобразные «лирические отступления» характерны для многих кольцовских фельетонов на сугубо исторические темы. Например, таков зачин фельетона «Сановник с бородой», напечатанного в 1928 г. к очередной годовщине Февральской революции¹. Вообще же лирическая окраска характерна, как правило, для тех кольцовских фельетонов (или очерков-фельетонов), которые сам автор относил к категории положительных.

Экономика и политика, проза обыденной жизни и романтика революционной борьбы, история и современ-

¹ См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 270.

ность, успех на каком-либо участке хозяйственного или культурного строительства и исторические победы первой в мире Страны Советов — все это переплетается в фельетонах М. Е. Кольцова довольно часто.

Возьмем фельетон «Простые чудеса» (1933 г.)¹, посвященный борьбе за ликвидацию брака в производстве тонких сукон на московской фабрике имени Петра Алексеева. М. Е. Кольцов начинает его с сентенции: «Бильярдное сукно — это во всех отношениях тонкая штука» — и с напоминания, каким требованиям это сукно должно отвечать. Затем он знакомит читателя с историей предприятия, принадлежавшего в свое время «бойкой династии обрусевших немцев-фабрикантов», а в первые годы рабочей власти превратившегося по стечению обстоятельств в «бывшую фабрику бывшего Иокиша». Наследие военной и послевоенной разрухи, отсутствие честных специалистов и хороших организаторов привели к тому, что качество производимых фабрикой сукон сильно ухудшилось. Дела на фабрике были плохи еще и потому, что на борьбу за качество, за честь фабричной марки не поднялся сам рабочий коллектив.

Но вот в фабричные дела вмешивается районная партийная организация столицы, коммунисты разбудили в коллективе рабочую инициативу, нашли хороших мастеров, возглавили борьбу с недостатками. «И тогда случилось простое чудо. Огромный, уродливо разбухший, отвратительно выпятившийся брак вдруг осел, поник, съежился и быстро-быстро покатился вниз, подхлестываемый большевистскими дьяволами. С восьмидесяти пяти процентов до четырех».

И далее следует очень образная историческая и политическая аналогия:

«Хорошо покатился вниз брак на фабрике имени Петра Алексеева.

Так катился Деникин от Орла — вниз, вниз по карте России и Украины, через Крым, в волны Черного моря, на тихое дно истории.

Так катилась разруха под натиском восстановительной атаки рабочего класса после гражданской войны.

Так катились из партии правые и троцкисты, двурушники, загибщики, обманщики, оппортунисты, отступая

¹ См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 520—525.

перед концентрированной мощью сплоченных большевиков на позициях генеральной линии...»

Публицист сообщает, что теперь фабрика имени Петра Алексеева опять добилась всесоюзных рекордов, но уже совсем иных, чем год назад: она заняла первое место по производственным показателям во всей шерстяной промышленности страны и на своем собственном опыте учит многих других, «как работать, как ломать свою косность и отсталость, как перешагивать и смело оставлять позади «объективные» причины».

Концовка фельетона перекликается с его заголовком. То, о чем автор рассказал читателю выше, — это, по его словам, и есть «одно из простых большевистских чудес, какие совершаются, — нет, не совершаются, а делаются всюду, где большевистская настойчивость и воля поднимают, будоражат рабочую массу, объединяют ее целиком на коллективное преодоление трудностей и преград».

Подобного же рода фельетонами М. Е. Кольцов откликался и на события, связанные с осуществлением культурной революции, являющейся одной из трех составных частей ленинского плана строительства социализма в нашей стране. Так, в фельетоне-очерке «Революция в тишине»¹ он делится с читателями «Правды» впечатлениями от происходящего в Москве съезда культпросветработников.

Остроумным и глубокосодержательным фельетоном «Важный кирпич» М. Кольцов откликнулся на такое важное событие в культурном строительстве нашей страны, как выход в свет первого тома Советской энциклопедии (1926 г.)².

ФЕЛЬЕТОН И ОЧЕРК В БОЕВОЙ ОБОЙМЕ

Думается, что вполне правы те исследователи кольцовского творчества, которые подчеркивают органическую близость его фельетона с жанром очерка. Были у М. Кольцова «чистые» фельетоны и «чистые» очерки, но

¹ См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 83—86.

² См. там же, стр. 118—121.

немало было и фельетонов-очерков или очерков-фельетонов.

Очерки у фельетониста М. Кольцова были самые разнообразные: о буднях и праздниках Страны Советов, о ее людях; о жизни зарубежных стран; очерки событийные, путевые, «портретные» и т. д., причем многие из них являются своего рода очерками-фельетонами. Метод сопоставления, столкновения различных фактов, взятых порой из разных областей жизни или исторических периодов и эпох, широко используется автором и в этих произведениях.

С чего только не начинаются кольцовские выступления в печати! Даже с портретного описания человека по фамилии Кольцов. Так, в один из дней весны 1931 г., взяв в руки очередной номер «Правды», читатели увидели там на привычном месте очерк-фельетон М. Кольцова, озаглавленный «Черная земля»¹ и начинающийся с такой картинки:

«Кольцов стоит на бульваре в грязи, в мокрой каше прошлогодних желтых листьев. Синий дождь льет на голову и на плечи свои холодные струи.

Галки взлетают со скользких крыш и низко шуршат вокруг Кольцова.

Радиотруба орет ему в левое ухо яростную скороговорку об апрельской калькуляции ремонта паровозов. Извозчики тарахтят по звонкой весенней мостовой.

Он молчит, он не слушает. На груди у него мелом, детским почерком, написано «Валя». Он — мраморный. Он — памятник».

И тут выясняется: публицист «Правды», приехав в Воронеж, стоит у памятника своего знаменитого однофамильца, здешнего уроженца поэта А. Кольцова. Но упоминание имени поэта потребовалось публицисту не только для формы, для оригинального и остроумного зачина, он строит затем свой очерк о весенней посевной в колхозе «Прогресс» Россошанского района Центрально-Черноземной области на сопоставлениях колхозной нови с описанием жизни и труда русского крестьянина в «Песне пахаря» А. Кольцова. В очерке много ярких исторических аналогий, стихотворных цитат. Вот последняя из них:

¹ См. М. Кольцов, Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 443—451,

Выйдет в поле травка,
Вырастет и колос.
...Сладок будет отдых
На снопах тяжелых!

И вслед за этим очень удачная, перекликающаяся со стихами концовка очерка-фельетона:

«Когда же это писалось? В хрестоматии под строчками проставлена точная дата. В весеннюю посевную кампанию тысяча восемьсот тридцать первого года появилась «Песня пахаря» Алексея Кольцова.

Значит, стихи — юбилейные. Они написаны к столетию большевистской колхозной весны. Только не ста годами позже, а раньше на сто лет. Пахарь и сивка прошагали весь свой старый путь до конца».

Так построил М. Кольцов свой фельетон-очерк о колхозной весне третьего, решающего года первой пятилетки.

Два мира — старый, буржуазный, продолжающий еще существовать за рубежами нашей страны, и новый — советский, рабоче-крестьянский; два образа жизни, два диаметрально противоположных подхода к определению человеческих ценностей предстают в кольцовском очерке-фельетоне «Действующие лица». Время действия — весна 1931 г., а точнее, один мартовский день. Место действия — с одной стороны, мир капитализма, захлебывающийся от сенсационнейших новостей из жизни королей, банкиров, аристократов и аристократок, новостей, распространяемых продажной буржуазной прессой, с другой — заволжское село Муханово, где рядовые советские крестьяне, «мужики и бабы», только вчера ставшие колхозниками, вышли в поле на снегозадержание во имя будущего колхозного урожая.

Начав очерк с новостей, взятых из буржуазной прессы за один день, публицист затем сразу же, в полном контрасте со всем предыдущим, поворачивает разговор (и внимание читателей) совсем в другую сторону — о скромной, будничной, но неизмеримо более значительной советской действительности.

Нарисовав картину коллективного труда на снегозадержании, М. Е. Кольцов обращается затем к истории возникновения колхоза со всеми сложностями и трудностями этого процесса, показывает тех, кто помогал осуществлению ленинского кооперативного плана в деревне, роль колхозной партийной ячейки, и тех, кто мешал стро-

ить новую жизнь. В заключение — четкая, броская, принципиально важная обобщающая концовка, перекликающаяся с зачином:

«Действительность то, что сто тридцать дворов в Муханове и еще двадцать миллионов по всей стране, миновав сомнения и колебания, преодолев право-левое сопротивление... добровольно объединившись, задушив угнетателей, совместно эксплуатируют неистощимую природу шестой части света...

Действительность то, что секретарь и культпроп мухановской сельской ячейки, но никак не король Альфонс и его теща, принцесса Беатриса, призваны повернуть скрипучее колесо мира. Горе тому, кто обманывается в главных действующих лицах эпохи»¹.

Знаменательно, что заглавие очерка-фельетона «Действующие лица» автор использовал и при выборе названия одного из томов своего Собрания сочинений (1935 г.).

Видное место в творчестве М. Е. Кольцова занимал и своеобразный «путевой очерк». Таких материалов было написано немало, ведь не случайно они составили целый том Собрания его сочинений 1935 г., озаглавленный «Двадцать девять городов» (в числе этих городов было несколько советских, в основном же — столицы зарубежных стран). Большую группу своих зарубежных очерков Михаил Ефимович назвал книгой «характеристик и ракурсов целых стран в рамках портретов их столиц и провинциальных центров»². Это очерки-фельетоны, очерки-памфлеты, такие, например, как «В гостях у короля», «Женева — город мира», «Молчи, грусть, молчи!» и др. Они очень различны не только по материалу, но и по форме. Фельетонная манера автора нередко проявляется и в описании природы. Так, в очерке «На желтом бастионе» (1927 г.)³ автор, знакомя читателей с Боснией, пишет: «Трудно заниматься географией на ходу; но если взять наш Дагестан, перенести его в сухие астраханские пески и приправить крымской пестротой, получится нечто вроде образа Боснии».

Яркий показ порой на еле заметных, казалось бы,

¹ М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 442.

² М. Кольцов. Писатель в газете. Выступления. Статьи. Заметки. М., 1961, стр. 27.

³ См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 2, стр. 69—73.

деталях исторических, социальных, географических контрастов характерен для путевых очерков-фельетонов, написанных во время Большого Восточного перелета 1930 г.: «Вместилище спокойствия» (об Афганистане), «Бег на месте» (об Иране), «Два окна в Европу» (о Турции) и т. д. Здесь много интересных наблюдений, метких определений, афоризмов (вроде «арабский язык — это латынь Востока»); причудливо переплетаются различные эпохи, культуры, политические влияния и т. д.

Немало произведений М. Е. Кольцова посвящено описанию впечатлений от посещения стран буржуазного Запада. Среди них и очерк-фельетон о Дании «Гамлет хочет торговать» (1935 г.). Образ шекспировского Гамлета, «принца датского», с его знаменитой дилеммой «быть или не быть?» привлекается Кольцовым не для «красного словца» — он помогает ему выделить и подчеркнуть главное, типическое в политической и экономической жизни скандинавской страны в момент посещения ее публицистом. В очерке есть живые, остроумные путевые заметки, эпизоды, картинки, характеризующие международное и внутреннее положение Дании. Очень к месту оказываются и авторские сравнения различного подхода театров, советских и западных, к постановке трагедии «Гамлет», к трактовке ее главного действующего лица. Все это очень остроумно увязывается в единый узел в заключительной части очерка:

«Мы едем за город, мирным пейзажем, тридцать километров, к стенам и башням и мостам замка Эльсинор. Здесь жил Гамлет, принц датский, чудака, хитрюга, маляхольный, поэт, неясный человек. Шекспир его прославил, актеры всех стран пятьсот лет станиславили и мейерхольдили, как могли. В каком флигеле он здесь жил? Сторож точно не знает. Неизвестно. А может быть, и не жил. Или жил. Как кому удобнее. У нас ругали вахтанговцев, почему они показали Гамлета политиканом, хитрым придворным комбинатором. А вот почтенный пастор Кай Мунк поставил шекспировскую вещь в Шлезвиге как националистическую агитку: Гамлет ходит по сцене, произносит речи о версальском договоре, о незыблемости границ. И ничего — слушают. Хлопают. Что у кого на уме. «Быть или не быть, вот в чем вопрос». Торговать или не торговать. Воевать или не воевать. Быть или не быть битыми»¹.

¹ М. Кольцов. Двадцать девять городов. М., 1936, стр. 249.

Из выступлений М. Е. Кольцова на зарубежные, международные темы, несомненно, представляет интерес и очерк-фельетон «Стачка в тумане»¹. Он написан в 1926 г. после посещения публицистом Англии и посвящен урокам происходившей там всеобщей стачки. Кольцов обстоятельно и убедительно показывает серьезные сдвиги, происшедшие в психологии трудящихся, в их классовом самосознании, вскрывает сильные и слабые стороны стачки, охватившей 5 млн. человек, но затем сорванной объединенными усилиями предпринимателей и их прихвостней из руководства лейбористского правительства и тред-юнионов.

Автор использует самые различные средства разработки темы и литературного оформления материала. Здесь и перенесенный в область политики художественный образ лондонской погоды: «Лондонский туман сгустился. Показались и отвердели очертания нескольких зловещих фигур...»; и без промаха бьющий сарказм в адрес названных по фамилиям лиц: «Ученые, получите, пока не поздно, драгоценнейшую сыворотку подлости у Макдональда и Томаса. Она сохранится на долгие годы, ее будут с интересом исследовать даже тогда, когда вымрут всякие классовые аферисты». Сарказм у Кольцова порой поистине афористичен, например: «Предательство так же неописуемо, как северное сияние или пласки микроба в капле воды».

Поворот в повествовании у М. Кольцова может оказаться самым неожиданным. Так, находясь в знаменитой столице текстильной промышленности страны — Манчестере, автор берет себе в путеводители... Марксов «Капитал».

«Вы были в Манчестере на фабрике Гильмора? — спрашивает он читателей. — Если не были, идите в посольство за визой, ждите вечность, соберите деньги, потом пересекайте шесть стран, по морю, доберитесь до туманного Манчестера.

Или — скорее и короче. Откройте первый том «Капитала»... И здесь... на четыреста тринадцатой странице вы попадете к почтенным братьям Гильмор, прядильщикам Манчестера.

Эти энергичные хозяева были когда-то пионерами в установке новых машин. Они были очень довольны сво-

¹ См. М. Кольцов. Фельетоны и очерки, М., 1956, стр. 364—382.

ими новыми машинами. Рабочие доставляли господам Гильмор гораздо меньше удовольствия. Если вы не поленитесь осторожно спуститься в подземелье четыреста четырнадцатой страницы, то узнаете, что новые машины принесли рабочим понижение заработной платы и вызвали забастовку...»

И снова у Кольцова переход к современному рабочему классу Англии. При всех прочих достоинствах анализируемого очерка-фельетона «Стачка в тумане» (широта охвата жизненных явлений при конкретности повода, глубина осмысления фактического материала и блестящая форма его обработки) обращают на себя внимание публицистичность, кольцовское умение писать о сложном просто и даже задумчиво.

* * *

«Как богата наша революция людьми!» — восклицает М. Е. Кольцов в одном из ранних своих *«портретных» очерков* — «Первый круг»¹, посвященном Г. В. Чичерину, успехам советской дипломатии в начальный период ее существования. На богатом фактическом материале публицист убедительно показывает, что «Чичерин оправдал порученное ему революцией дело. Он окупил свое счастливейшее в истории место министра иностранных дел победоносной революционной страны».

В очерке чувствуется хорошее знание автором специфики работы Наркоминдела и личных черт наркома. Обрисовав кипучую деятельность Г. В. Чичерина, подлинно большевистский стиль его работы, свойственные ему методы руководства людьми, М. Е. Кольцов заявляет: «Мы гордимся Чичериным, как и Красной Армией. И то, и другое одинаково непреклонно говорит о нашей силе». Очерк завершается опять-таки яркой, образной концовкой: «История красной дипломатии окаймляет историю Советской страны. И Чичерин, занимающий воображение европейцев, — такое же взрощенное революцией дитя, как Днепрострой, Буденный и червонец. Люди сделали революцию, и она сделала их».

«Портретных», биографических очерков в публицистическом наследстве М. Е. Кольцова довольно много. «Рыцарю революции» — Ф. Э. Дзержинскому был посвящен поистине замечательный очерк «Эталон», опублико-

¹ М. Кольцов. Чужие и свои. М., 1936, стр. 143—157.

ванный в «Правде» 20 июля 1928 г. — во вторую годовщину со дня смерти Феликса Эдмундовича. Само название очерка уже давало точное и ясное, образно выраженное определение личности Дзержинского — стойкого чекиста, крупнейшего государственного деятеля Страны Советов, преданнейшего сына ленинской партии. «Обдумайте его жизнь, — настоятельно рекомендует М. Кольцов, — понесите в себе драгоценный эталон неистощимо стойкого борца революции, закованного в латы ленинского учения»¹. К образу «железного Феликса» публицист обращался еще не раз.

Калейдоскоп событий и встреч предстает перед читателем в очерке «Внутренне счастливый»², посвященном А. В. Луначарскому, с которым автору довелось встречаться в разные годы и при самых различных обстоятельствах: в 1917 и 1918 гг. в Петрограде, позже — в Москве, не раз — за границей. В Женеве в перерывах между заседаниями Лиги наций они побывали вместе в знаменитой Каружке, где еще в период первой русской революции Луначарский имел счастье жить бок о бок с В. И. Лениным, работать с ним над выпуском большевистских газет «Вперед» и «Пролетарий». В 1933 г. Кольцов и Луначарский виделись в последний раз в Париже, где Анатолий Васильевич провел тогда последние месяцы своей жизни. Описанием этой встречи и заканчивается кольцовский очерк.

Во всем своем неповторимом своеобразии предстает перед читателем рабоче-крестьянский президент Страны Советов М. И. Калинин в газетном очерке «Президент» («Правда», 20 ноября 1935 г.) и в книжном его варианте «Президенты здешних мест»³. Очерк написан живо, удачно найдены и форма, и краски, приведены знаменательные детали, подробности из личных наблюдений и впечатлений автора. Образ Калинина передан в своей подлинной простоте, со свойственной Михаилу Ивановичу чуть лукавой улыбкой. И при всем том это прежде всего портрет политический, публицистический.

В кольцовскую галерею образов бойцов старой большевистской гвардии вошли также литературные портреты бесстрашного кавказца Камо — С. А. Тер-Петросяна

¹ М. Кольцов. Фельетоны и очерки, стр. 131.

² См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 565—571.

³ См. М. Кольцов. Чужие и свои, стр. 276—287.

(«Человек-легенда») ¹, С. М. Кирова («Любимый человек») ², донецкого слесаря К. Ворошилова, ставшего полководцем Красной Армии («В чем разница?») ³, и многие другие.

Немало драгоценных штрихов к портрету великого пролетарского писателя А. М. Горького содержится в таких очерках и зарисовках М. Кольцова, как «Буревестник», «Что значит быть писателем», «Вопрос самому себе» и др. А рядом — литературные портреты больших друзей буревестника пролетарской революции, больших друзей нашей страны — А. Барбюса («Три встречи»), Р. Роллана («Мастер культуры»).

В публицистическом наследстве М. Е. Кольцова видное место занимает очерк «Мужество» ⁴ — о бойце молодой гвардии большевиков Н. Островском, напечатанный в «Правде» 17 марта 1935 г. под рубрикой «Люди нашей страны». Это был один из первых очерков (если не самый первый) об авторе романа «Как закалялась сталь».

Суровая простота сочетается здесь у Кольцова с глубоким чувством жизненного оптимизма. Прибегает очеркист и к средствам сатиры — своему любимому роду оружия, противопоставляя трудный, мужественный путь в литературу, избранный Н. Островским, облегченному вхождению в изящную словесность некоторой части писательской молодежи.

«Разве же он, — пишет публицист об Островском, — не человек большого таланта и беспредельного мужества? Разве он не герой, не один из тех, кем может гордиться наша страна?»

Хорошо у М. Кольцова сказано и о судьбе книги Н. Островского «Как закалялась сталь»: «Без всяких протекций книгу выпустили. И опять — не ворожили ей библиографические бабушки, не били рекламные литавры в «Литературной газете», а читатель за книгу схватился, потребовал ее. Сейчас она тихо, скромно уже вышла вторым изданием...»

Огромной важности революционным делом было строительство экономического фундамента социализма в нашей стране. На «бескровном фронте» рождались свои ге-

¹ См. М. Кольцов. Чужие и свои, стр. 158—165.

² См. там же, стр. 262—275.

³ См. «Правда», 5 февраля 1931 г.

⁴ См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 526—531.

рои, чьи скромные имена становились подчас символами, давали имя целым движениям. Таким стало рожденное в годы второй пятилетки стахановское движение за высокую производительность труда на базе освоения новой техники. Его зачинателю, как и всегда, по горячим следам событий, публицист посвятил очерк «Алексей Стаханов»¹, напечатанный в «Правде» 15 ноября 1935 г.

В этом публицистическом произведении очень удачно сочетаются два начала — очерковое и фельетонное. Любопытен такой момент. После появления в «Правде» кольцовского очерка на редакционной летучке, по свидетельству С. Гершберга, «возник спор: к какому жанру следует отнести это произведение? К очерку? К рассказу? К публицистической статье? Кольцов сказал, что свою вещь он относит к жанру «положительного фельетона»»².

Повидав своего героя среди его товарищей на Первом Всесоюзном совещании стахановцев промышленности и транспорта в Кремле, побеседовав с ним, автор сжато и рельефно, живо и деловито передает свои впечатления:

«Стаханов, высокий, молодой, красивый, крепкий, несет свою славу легко и бестревожно. Все рекорды уже побиты, другие люди подымают эти рекорды все дальше вверх, и от этого он не теряется, а становится все более довольным, гордым, его сдержанная улыбка — более уверенной и долговечной. Он сам вытаскивает из кармана газету и показывает отмеченный ногтем новый рекорд горловского шахтера Степаненко.

— Вы посмотрите, ведь он уже и в шахте почти год не работал, служит во флоте. На праздник приехал и вырубил разом пятьсот пятьдесят две тонны. До чего народ дошел?»

И сразу же едкая реплика фельетониста Кольцова в адрес некоторых незадачливых коллег по журналистике:

«Суетливая газетная шпана пробует кое-где изображать Стаханова сказочным Бовой-королевичем, таким лихим пролетарским принцем, который рубает и рубает до бесчувствия, за что и одарили его полцарством, шубой соболиной и неразменным рублем; другие приписывают ему высшую образованность, тонкое знание всех горных наук, суют ему на подпись так называемые высказывания

¹ См. М. Жольцов. Чужие и свои, стр. 252—261.

² С. Гершберг. Работа у нас такая. Записки журналиста-правдиста тридцатых годов, стр. 401.

о персидской живописи, пламенные приветствия разным антимозольным конгрессам, умоляют написать ну хотя бы десяточек строк о стахановском методе в философии».

Высмеивая таким образом ретивых газетчиков, публицист опять переходит к рассказу о Стаханове:

«На самом деле это натуральный, если хотите, обыкновенный шахтер Донецкого бассейна, ничем из ряда вон не выходящий ни по физической силе, ни по учености и опыту. В шахту пришел он недавно, из деревни, пришел не ставить мировые рекорды, о которых не подозревал, а пришел заработать себе на лошадь. На серого коня в яблоках, о каком мечтали его дед, отец, он сам и вся его безлошадная бедняцкая семья орловских крестьян».

Как и у каждого портретного очерка, у этого кольцовского произведения была цель правдиво, образно, убедительно показать рядового, обыкновенного человека, упорным, творческим трудом достигшего с помощью своего коллектива мировой славы. Но выступление партийного публициста было вместе с тем и полемичным, сатиричным в тех местах, где автор счел необходимым дать решительную отповедь любителям бездумного, шаблонного, безответственно-спекулятивного подхода к показу героев труда, людей скромных и по-настоящему великих, порожденных эпохой социалистических пятилеток.

РЕПОРТАЖ: И ЖАНР, И МЕТОД

Один из видных мастеров нашего современного репортажа Е. Рябчиков, начинавший свой путь в журналистике еще при М. Кольцове, в статье «Из репортерского племени» называет имя М. Кольцова первым в числе основоположников советского репортажа (наряду с именами Л. Рейснер, Д. Заславского и др.). «Михаил Кольцов, — пишет он, — соединил в себе редактора и издателя, фельетониста и очеркиста, публициста и критика, но что бы он ни делал, где бы он ни находился, сама огневая жизнь заставляла его браться за перо репортера»¹. С этим нельзя не согласиться: репортаж в журналистском творчестве Кольцова занимал действительно важное место. Именно он давал публицисту, постоянно желавшему и умевшему находиться в гуще событий, всегда оказывавшемуся на

¹ «Журналисты рассказывают», стр. 16.

месте происходившего первым или хотя бы одним из первых, возможность не только сообщить, рассказать об увиденном читателю, но и создать у него своим выступлением «эффект присутствия», причастности к событиям («мертвая петля» в воздухе, перелет над Черным морем на легком сухопутном самолёте, пуск электростанции, возвращение легендарного руководителя арктической экспедиции на «Челюскине» О. Ю. Шмидта, пребывание В. Чкалова в Париже и многое, многое другое).

Отмечая многогранность таланта М. Е. Кольцова, Л. Кассиль писал: «Мне нравились и его цепкая безошибочная хватка репортера, и просторные горизонты смелых обобщений, которые свойственны лишь крупнейшим публицистам»¹. Эти качества проявлялись у Кольцова зачастую одновременно в одном и том же материале. Возьмем хотя бы очерк «Последний рейс» (январь 1924 г.), о котором уже упоминалось. Он вполне заслуженно включен в сборник «Репортаж эпохи»² среди других образцов этого жанра. Но при чтении его легко убедиться, что публицистический заряд, художественное обобщение характерны для этого материала ничуть не меньше, чем его информационная сторона (одно никак бы не могло здесь обойтись без другого).

Использование жанра репортажа у М. Кольцова, как видим, очень многообразно, оно включает в себя порой и отклик на события первостепенного партийно-политического значения. Так, своими репортажами «Сила», «По пути в Кремль», «У высокой трибуны» и другими публицист предоставлял возможность читателям «Правды» «поприсутствовать» на партийном съезде. Вот как начинается первый из названных репортажей:

«Карточка лежит на столе. Простая узенькая карточка, такая же, как два с половиной года назад. Только к двум римским цифрам прибавилась еще одна. Было XV, стало XVI.

Я возьму карточку в руки и пойду на съезд»³.

Автор напоминает читателям о важных событиях в жизни партии между съездами. Хорошо зная, как проходят партийные форумы, он предвкушает встречи с делегатами, являющимися в то же время и его чуткими, тре-

¹ «Михаил Кольцов, каким он был», стр. 166.

² См. «Репортаж эпохи». М., 1968, стр. 68—70.

³ М. Кольцов. Действующие лица, стр. 127.

бовательными читателями: «Часовой пропустит на съезд. Перед началом заседания я опять встречу знакомых и друзей — из Ленинграда, из Хабаровска, из Сормова и из Свердловска. Будет сказано после взглядов друг на друга:

— А у тебя, брат, на височках уже тово... засеребрилось.

— Ты бы уж молчал: у самого виски почти белые.

— От неприятностей! Ты что же думаешь — социализм строить и седых волос не нажить — это можно? Маркс поседел, пока только книгу написал. На практике это еще похлеще. Но это ерунда! Ты вот лучше посмотри, чего мы к съезду добились по части высококачественных статей. Обо всех пишешь, а о нас ни слова»¹.

В репортаже хорошо передано чувство сопричастности ко всем делам партии, страны, народа, свойственное работнику партийной газеты, тысячами нитей связанному с рабочими и хозяйственниками, с партийными активистами.

Непреходящее значение имеют мысли и наблюдения публициста о сущности ораторского искусства в партийном, ленинском понимании. Сейчас, в 70-е годы, когда ораторское искусство входит в программы многих учебных заведений, обращение к кольцовским мыслям и наблюдениям полезно, на наш взгляд, не только для обучающихся, но и для обучающихся. «У нас, начиная с Ленина, — писал М. Кольцов, — повелся новый тип и стиль хорошего выступления с трибуны. На вид это очень просто. На самом деле — имеет свой сложный и далеко не каждому дающийся рецепт»².

Дело в конце концов не в рецепте. Нужно помнить всегда, что необходимо сразу же установить с аудиторией контакт, взаимопонимание. Этого не добьешься ни яркими цветами ораторского искусства для искусства, ни громким заверением в преданности революции, ни пестрым фейерверком цифр и т. д. В чем же секрет успеха? На этот вопрос особенно убедительно и четко М. Е. Кольцов отвечает в другом репортаже уже со следующего, XVII партсъезда — «У высокой трибуны» (1934 г.)³. «Есть, — отмечал он, — совершенно замечательные вы-

¹ М. Кольцов. Действующие лица, стр. 128—129.

² Там же, стр. 133.

³ См. там же, стр. 162—167.

ступления в первые же дни семнадцатого съезда. Они сохраняются не только в стенограммах, они долго будут жить, как сильные и действенные боевые документы в борьбе за социализм».

И перед читателем «Правды» (а затем и сборника, в который вошли кольцовские съездовские репортажи) проходит блестящая галерея выступающих на съезде ораторов ленинского типа: седая Надежда Константиновна, молодой, полный энергии и стремительности комсомольский вожак Косарев, Серго Орджоникидзе, Клим Ворошилов. Каждый из них обрисован скупыми, но яркими мазками талантливого художника и публициста.

Приведем небольшую выдержку из этих характеристик, дающую возможность не только разделить с автором репортажа впечатление от одного из лучших как по содержанию, так и по форме выступлений на партийном съезде, но и живо ощутить обстановку, атмосферу съезда:

«Говорит Серго, полководец пролетарской индустрии. Говорит живо, со страстью, с юмором, но и с напором, властно, внушительно. Для него все вопросы промышленности, поставленные Сталиным, — это живые вопросы, воплощенные в конкретных объектах, в заводах, в директорах, в живых людях. Он говорит об этих заводах, называет их, хвалит и ругает заводы. «Хор-роший завод!»... «Пло-хой завод!»... Он хвалит Макарова, директора Сталинского¹ завода, хвалит и тут же окликает по именам других директоров, ставит им Макарова в пример. Весь съезд вместе с Серго путешествует по бесчисленным предприятиям советской промышленности, видит их сильные и слабые места, слышит, как большевистский нарком управляет этими предприятиями, ведет их вперед, подымает на более высокую ступень».

Каждый из участников оживленных прений, замечает М. Кольцов, пришел на трибуну съезда со своими нуждами, с рассказом о своих победах и слабостях, каждый из них восхваляет или критикует, нападает или защищается, доказывает или опровергает, не забывая коснуться и политического отчета... И съезд требовательно-чутко выслушивает всех ораторов, оценивая и комментируя любое выступление в прямой зависимости от его характера.

¹ Сейчас — Донецкий. — Б. В.

Так один из ведущих публицистов «Правды» помогал газете сделать всеобщим достоянием преподаваемый съездом урок, «как надо большевикам пользоваться трибунами и выступать во всей нашей стране, занятой по горло великой работой». Добавим: в репортаже содержался и журналистский, публицистический урок, как надо рассказывать читателю о ходе партийного съезда (понятно, речь идет не о протокольном отчете со съезда, а именно о репортаже, зарисовке).

Репортаж на партийную тему в творческой практике М. Е. Кольцова — явление довольно обычное. С его помощью публицист не раз приводил читателя «Правды» и на районные партконференции (например, «Слова и дела» — репортаж с райпартконференций Москвы, 1932 г.), и на партийные собрания, показывая повседневную жизнь партийных ячеек.

Своеобразным репортажем о событиях текущего дня (хотя и с историческими экскурсами) является кольцовское выступление в «Правде», озаглавленное «Одна ячейка на одном заводе»¹. Это не фактографическая зарисовка, а живой, зримый, даже красочный показ на конкретном примере коллектива московского завода «Динамо», чем живет партия в целом, все ее первичные организации. Заканчивая свой репортаж, автор счит нужным подчеркнуть: «...перед нами хоть одна из лучших, но одна из многих рабочих ячеек, на одном из лучших, но на одном из многих советских заводов. Ячеек много, и заводов много, и пролетариев много, и о многих из них можно сказать много из того, что рассказано здесь о славном «Динамо»».

С помощью репортажа «Два новых большевика» М. Е. Кольцов подробно знакомит читателей газеты с тем, как проходило собрание партийной ячейки Тимирязевской сельскохозяйственной академии, на котором вместе с молодым специалистом в партию был принят крупный ученый, профессор (впоследствии академик) В. Р. Вильямс, решивший, несмотря на пожилой возраст, накрепко связать свою жизнь с партией Ленина².

Репортажи М. Е. Кольцова в «Правде» очень различны и по тематике, и по масштабам отражаемых в них событий, и по своему стилю. Порой они соседствуют с очер-

¹ См. М. Кольцов. Действующие лица, стр. 20—32.

² См. «Правда», 7 июля 1928 г.

ком, беря у него литературно-образные свойства, обстоятельность. Таков, к примеру, «Невский проспект»¹, вошедший впоследствии в книгу «Двадцать девять городов». Публицист использует в нем образ Адмиралтейской иглы — одной из главных достопримечательностей города на Неве. Он находит в ней такие грани, такие в высшей степени злободневные детали (о которых, кроме всего прочего, первым и информирует читателя), что весь образ поворачивается совсем по-новому. Вот как начинается репортаж о главной улице Ленинграда:

«Чинят Адмиралтейскую иглу. На самом конце ее, внутри острия каменщики нашли маленькую шкатулку, замурованную сто двадцать лет назад. В шкатулке оказались газеты александровских времен.

Штукатуры аккуратно положили шкатулку назад. Они только, по личной своей инициативе, заменили старые газеты новыми — вложили в шкатулку по одному номеру «Правды», «Известий», «Ленинградской правды» и «Красной газеты». Советские рабочие, члены профессиональных союзов, граждане СССР, золотят и полируют иглу Адмиралтейства с не меньшим рвением, чем крепостные александровских времен. Игла будет так же ослепительно гореть, открывая собой Невский проспект. Золотая шпага по-прежнему будет четко протыкать розовый пузырь заходящего солнца. Но в ее лезвие рабочие вложили другую начинку. Они быстро, практически осуществили преемственность старой культуры новым классом».

И дальше автор ведет за собой читателя по всему Невскому проспекту — от Адмиралтейства до Московского вокзала, время от времени предлагая свернуть на рабочие окраины — Нарвскую заставу, Выборгскую сторону, заглянуть в сооруженные там Дворцы социалистической культуры. Репортаж-очерк многопланов: здесь история и политика, старое и новое, рассказ об архитектуре и архитекторах, живые наблюдения за всеми сторонами жизни главной улицы, в том числе и за прогуливающейся по тротуару Невского публикой, в которой острый глаз журналиста не мог не заметить и людей «вчерашнего дня» — мещанина из старого Петербурга... Но главное,

¹ См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 341—350.

что видит автор (репортаж по времени написания относится к кануну первой пятилетки), — это обновленные и обновляемые пролетарские окраины, они «наступают со всех концов на Невский», властно диктуя ему новый, советский образ жизни. Начинается, как замечает Кольцов, второй захват центра города — уже не боевой, как в семнадцатом, восемнадцатом, а культурный.

В конце репортажа-очерка снова тот же образ, которым он начинался: «И старый шпиль Адмиралтейства дружелюбно светит навстречу новым солнечным блеском, ведь и в его острие неугомонный пролетарий впрыснул ленинскую «Правду»».

Совсем иная цель — разоблачительная и обличительная — стояла перед публицистом в сентябре 1932 г., когда он, находясь в Париже, готовил свой знаменитый репортаж «В норе у зверя»¹. На этот раз от М. Кольцова кроме всего прочего требовались такие качества, как находчивость, изобретательность, да и изрядное мужество. Под видом французского журналиста он проник в парижский штаб контрреволюционной русской белогвардейщины и получил у белого генерала Шатилова самое обстоятельное «интервью» о положении дел в логове этого антисоветского зверя, о затеваемых здесь военных и прочих действиях против Страны Советов. Польщенный вниманием к нему, генерал Шатилов даже охотно позировал перед кольцовским фотоаппаратом. А в результате вскоре в «Правде» появился острый, умный и едкий фельетон-репортаж, раскрывающий не только антисоветские козни белогвардейщины, но и ее полное духовное убожество.

Это кольцовское публицистическое выступление имело огромный резонанс. Высоко оценено оно было в журналистских кругах. Так, И. Ильф и Е. Петров в фельетоне «Мы уже не дети», напечатанном в «Литературной газете», обозревая основные события литературного года, с дружеской шуткой отмечали: «А Михаил Кольцов побывал в норе у зверя, откуда вернулся цел и невредим, не получив даже царапины»².

¹ См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 2, стр. 176—187.

² И. Ильф и Е. Петров. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 3. М., 1961, стр. 183.

Характерная особенность творческого почерка М. Е. Кольцова и в том, что репортаж для публициста зачастую был не столько литературным жанром, сколько методом исследования тех или иных явлений действительности, углубленного проникновения в них, подготовки важного проблемного выступления в «Правде». Сошлемся на несколько примеров.

В 1934 г., когда в советской столице стал интенсивно развиваться автотранспорт и начали входить в быт первые десятки «таксомоторов», М. Кольцов решает посмотреть на эти нововведения «изнутри». Хорошо владея искусством вождения автомобиля (ведь иначе и не мог поступить активист добровольного общества «Автодор» и один из организаторов автодорожного журнала «За рулем»), он оформляется шофером такси (по документам из автобазы издательства «Правда») и три дня в этом качестве колесит по московским улицам. Прием, несомненно, репортерский. Но то, что появляется через несколько дней в «Правде» под заголовком «Три дня в такси», воспринимается и как очерк (живые картинки быта столицы, целая галерея типов, характеров и нравов пассажиров такси — москвичей и приезжих), и как публицистическая статья (постановка вопросов, связанных с автотранспортом, с условиями труда его работников, с взаимоотношениями между водителями и регулировщиками движения, с состоянием городского хозяйства в целом и т. д.). Выступление получило широкий отклик.

Друг и мудрый советчик советских журналистов М. И. Калинин, выступая на торжественном заседании, посвященном Дню печати, 5 мая 1935 г., отмечал, что «есть такие статьи, которые прочитываются в три раза большим количеством читателей, чем обыкновенно. Взять, например, статью Кольцова «Три дня в такси» — она прочитана не только подписчиками «Правды», а каждый прочитавший ее говорил другому: «Обязательно прочти».

А почему она так читалась? Потому что она отвечала действительности, была злободневна и хорошо задумана по форме»¹.

¹ М. И. Калинин. О корреспондентах и корреспонденциях. М., 1958, стр. 95.

Кольцовская, так сказать, «операция такси-34» не оказалась бесследной ни в истории журналистики (о ней упоминается десятки и сотни раз), ни в журналистской практике. В начале 60-х годов этот опыт по поручению редакции «Экономической газеты» повторил (уже на расширенной основе и с еще большим углублением в проблему) А. Гудимов. Его очерки «Семь дней в такси» печатались в газете, широко обсуждались общественностью, затем они вошли в его книги¹. О том, что Гудимов перед осуществлением задуманного плана хорошо «вжился» в творческую лабораторию своего предшественника, свидетельствует такая деталь: каждый раздел «Семи дней в такси» он предваряет эпиграфом — краткой выдержкой из кольцовских «Трех дней в такси».

Но вернемся к творческой практике М. Е. Кольцова. Метод репортажного исследования процессов и явлений в жизни страны Михаил Ефимович успешно применяет и на другом поприще — «на ниве просвещения».

Советская общественность в середине 30-х годов была обеспокоена наличием крупных недостатков в постановке учебной и воспитательной деятельности общеобразовательной школы. Редакция «Правды» готовила ряд серьезных материалов, связанных с данной проблемой. Желая внести в это дело свою лепту, М. Е. Кольцов внимательно знакомится с редакционной почтой, а затем решает отправиться для «глубокой разведки» в одну из столичных школ. Выбирает он из них не худшую, но и не лучшую — среднюю школу тогдашнего Фрунзенского района, расположенную на московской окраине, поблизости от нынешних спортивных Лужников. Приходит туда не в качестве писателя или корреспондента, а с путевкой РОНО, выданной на имя Михаила Ефимовича Михайлова, на должность педагога, освобожденного классного руководителя.

И вот в течение семи дней М. Е. Кольцов, проявляя подлинный педагогический талант, успешно осуществляет миссию воспитателя в 9-м классе школы. Он посещает в нем уроки по всем предметам, приглядываясь и к качеству учебных программ, и к уровню подготовленности, одаренности учителей. Сближается с ребятами, затевает с ними увлекшие их «анкеты», в выходной день отправ-

¹ См. А. Гудимов. Семь дней в такси. Репортаж. М., 1965; *его же*. Тайна чужой профессии. М., 1967.

ляется с классом в поход по Москве. Он посещает семьи ребят и обстоятельно беседует с их родителями. Сколько здесь было материала для размышлений публициста, члена редакционной коллегии центрального печатного органа партии!

Постоянное общение с «коллегами» — учителями и воспитателями, с директором и завучем, «проникновение» в недра школы выливаются в настоящий (хотя и краткий по времени) *педагогический эксперимент*. А затем в номере «Правды» от 19 февраля 1935 г. появляется большой кольцовский очерк «Семь дней в классе»¹. Отличительными чертами этого материала, вызвавшего живой отклик читателей, явилось глубокое знание и понимание проблемы, богатство наблюдений и острота постановки вопроса. Кольцов-писатель успешно дополняет здесь Кольцова—журналиста и политического деятеля (любопытно, что и этот материал в учебных программах отнесен, и не без основания, к образцам *различных жанров*: в одних — к очерку, в других — к репортажу).

Меньше чем через неделю «Правда» напечатала корреспонденцию о состоявшемся в той же школе собрании, посвященном очерку «Семь дней в классе». Как сообщала газета, М. Е. Кольцов, тепло встреченный участниками собрания (он присутствовал здесь уже в качестве автора и члена редколлегии «Правды»), в своем выступлении рассказал о целях, которые он преследовал очерком «Семь дней в классе». «Описывая будни 27-й школы, — говорил он, — я думал о жизни советской средней школы в целом. А в ней еще много непорядков и мало внимания к созданию полноценных советских граждан. За эти дефекты несут ответственность комсомол и Наркомпрос»².

Обсуждение очерка М. Е. Кольцова проводилось во многих школах страны, при этом отмечалось, что автору удалось выявить и показать типичные недостатки нашей школы, затронуть существенные стороны педагогической работы, выдвинуть интересные предложения на будущее.

Много лет спустя, в середине 50-х годов, кольцовский очерк «Семь дней в классе» был перепечатан «Учительской газетой»³ и снова горячо обсуждался педагогами и родителями.

¹ См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 532—544.

² «Правда», 25 февраля 1935 г.

³ См. «Учительская газета», 1 сентября 1956 г.

В 1936 г. М. Е. Кольцов вновь обращается к своему методу изучения советской действительности. Он публикует в «Правде» своеобразный очерк-фельетон «В загсе»¹, написанный на основе однодневного личного опыта работы в одном из московских загсов. А затем выступает с проблемным публицистическим очерком «О маленьком городе»², объехав перед этим семь тогдашних «маленьких городов», о чем свидетельствует пометка в конце материала: Калязин, Кашин, Сонково, Семенов, Муром, Елатьма, Звенигород. И в каждом из этих материалов «репортерская хватка» сочетается у Кольцова с публицистической проблемностью, художественная деталь зарисовки — с данными статистики, современность — с историей, цепко схваченный конкретный факт — с обобщенным выводом (о старом и новом быте, о коммунистической морали, о советском патриотизме и т. д.).

Нельзя не заметить, что многие из названных образцов кольцовских репортажей, очерков, фельетонов и материалов других публицистических жанров по времени их написания относятся к 1935—1936 гг., которые в жизни и творчестве их автора составляли как бы «предыспанский» период. Многогранный талант М. Е. Кольцова находился тогда в самом высшем расцвете.

Из неупомянутых следовало бы еще назвать такие яркие публицистические статьи и очерки, как «Наши маршалы»³ (отклик на введение высшего воинского звания Маршал Советского Союза и присвоение его первой группе советских полководцев), «Качество героизма»⁴ (отклик на завершение беспосадочного перелета Чкалова, Байдукова и Белякова по маршруту Москва — остров Удд), а также написанные в первую половину 1936 г. и напечатанные в «Правде» фельетоны «Похвала скромности», «Обманчивая легкость», «Личный стол» и др.

К 1936 г. относится и наиболее крупное выступление М. Е. Кольцова о проблемах публицистического мастерства — статья «Публицистика и фельетон в местной печати». Особую ценность в ней представляет попытка автора теоретически осмыслить свой собственный творческий опыт. А в дверь уже стучались испанские события.

¹ См. М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 572—581.

² См. там же, стр. 582—593.

³ См. «Правда», 2 ноября 1935 г.

⁴ См. «Правда», 24 июля 1936 г.

НА ФРОНТАХ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИСПАНИИ

Особую и притом подлинно героическую страницу в журналистской биографии М. Е. Кольцова составляет его почти полугодовое пребывание как корреспондента «Правды» на фронтах республиканской Испании.

В самом разгаре было лето 1936 г., когда из Мадрида стали приходить тревожные вести о реакционном путче генерала Франко на юге Испании, о сговоре франкистов с фашистскими правителями Италии и Германии, об их совместных военных действиях, направленных на свержение республиканского режима в стране. Происходило это, на что не раз указывала тогда советская пресса, при явном попустительстве европейских буржуазных государств. М. Кольцов — публицист-интернационалист, стремившийся всегда находиться в самой гуще событий, с готовностью воспринял редакционное поручение отправиться за Пиренеи.

Еще 3 августа вместе со 120 тысячами москвичей Михаил Ефимович присутствовал на митинге солидарности с испанским народом, состоявшемся на Красной площади столицы. Через три дня он уже находился на борту самолета, уносящего его в западном направлении. Преодолев препоны, чинимые на каждом шагу европейскими политиками, Кольцов 8 августа добрался до Барселоны и сразу же принялся за свои корреспондентские дела. «Я прилетел сюда гол как сокол, а сегодня у меня уже есть маленькое хозяйство»¹, — записал он в своем дневнике через пару дней. У него к этому времени был автомобиль — «длинный открытый «Шевроле» с помятыми крыльями, исписанный лозунгами и инициалами неведомых... организаций». От охраны и от шофера Кольцов

¹ М. Кольцов. Испанский дневник. М., 1957, стр. 27.

отказался («пусть их лучше используют в отряде»); как пригодилось здесь умение водить автомашину! Отметив, что у него есть еще дорожная пишущая машинка и фотоаппарат «ФЭД», спецкор резюмирует: «...можно сказать, целое отделение «Правды»!»¹

Из Барселоны — в Мадрид, из Мадрида — то на один, то на другой, то на третий фронт. И всегда — в центре событий, в самом пекле боев. Бывало, оставив «собственный» автомобиль, спецкор «Правды» усаживался в тесный броневик, а то и в кабину самолета, попадал под артобстрел или бомбежку с воздуха, но он никогда не забывал, что каждый день и при любых условиях, обстоятельствах и любым способом в далекую Москву, в родную «Правду» должен быть отправлен очередной материал о событиях в Испании.

В сентябре 1936 г. в Мадриде М. Е. Кольцов встретился с командированным сюда советским кинооператором Р. Карменом, который когда-то начинал свою вначале фоторепортерскую «карьеру» в кольцовском «Огоньке», при самом зарождении журнала. Радостной была эта встреча для обоих. Не один месяц довелось им вместе поработать в Испании.

Наряду с киносъемками Р. Кармен занимался еще и корреспондированием в «Известиях». «Для меня, — свидетельствует он, — воспоминания об Испании неразрывно связаны с именем Михаила Кольцова. Месяцами мы были неразлучны, и сколь неоценимым университетом боевой журналистики была для меня эта дружба. Что может быть нагляднее, эффективнее такой учебы — мы вместе находимся на событии, видим, слышим, а через несколько дней я прочитываю кольцовскую корреспонденцию в «Правде», восхищенно развожу руками, снова и снова убеждаясь, что волшебство его письма не только в высоком профессионализме — здесь, как говорится, «искра божия». Мудрая, острая и веселая искорка необъятного кольцовского таланта. Этому научиться нельзя. Можно только стремиться хоть отдаленно достичь высот кольцовского мастерства...»²

На протяжении сентября и октября 1936 г. в «Правде» были напечатаны такие корреспонденции, репортажи, очерки М. Кольцова, как «Каталонские встречи»,

¹ М. Кольцов. Испанский дневник, стр. 27.

² Р. Кармен. Но пасаран! М., 1972, стр. 257.

«Испанские зарисовки», «В горах Астурии», «В Стране Басков», «В пятом полку», «Испания сегодня», интервью, взятое им у главы республиканского правительства, рассказ о встрече в испанском порту с моряками советского теплохода «Нева» и многое, многое другое. И, читая «Правду», советские люди получали возможность лучше понять, ощутить всю картину происходящих событий, уяснить значение самоотверженной борьбы испанского народа против фашистских интервентов. Один из очерков — «Партия говорит и делает» — публицист посвящает героическим делам Компартии Испании.

Особенно напряженной для М. Е. Кольцова стала его военно-журналистская работа с первых чисел ноября 1936 г., когда развернулись ожесточенные бои на подступах к Мадриду. Важно было через «Правду» каждодневно сообщать миру даже сам факт сохранения Мадрида в руках республиканцев, ибо обнаглевший главарь фашистских мятежников генерал Франко то и дело провозглашал свое триумфальное вступление в испанскую столицу.

Миллионы советских людей, читая «Правду», внимательно следили за ходом событий, освещение которых обеспечивал своей самоотверженной и неустанной работой М. Е. Кольцов. Его труд был особенно дорог и близок нашим журналистам. В опубликованном в ноябре 1936 г. в журнале «Большевистская печать» очерке «В Испании — Кольцов» Б. Агапов писал: «С жадным и профессиональным интересом изучаем мы, как в работе Кольцова претворяется весь многолетний и разносторонний опыт советской прессы, проверяется на совсем новых объектах ее метод»¹. Проанализировав «природу кольцовского советского журнализма», Агапов подчеркнул как одну из особенностей стиля публициста отсутствие крикливости, сочетающееся с его личной скромностью: «Сломана ключица, вывихнута ступня, изъезжена вся страна, все окопы видели Кольцова, все взрывы и атаки видел Кольцов, и пули свистят возле него, как возле каждого бойца Мадрида и Овьедо! Домишко, где он только что был, разбило в щепы авиабомбой... Кругом смерч смерти, а он пишет и улыбается как ни в чем не бывало.

— Молодец Кольцов! — хочется крикнуть ему туда, через весь материк в «левый нижний угол» Европы»².

¹ «Большевистская печать», 1936, № 11, стр. 49.

² Там же, стр. 51.

Так заканчивает очерк Б. Агапов, выражая мысли и чувства всех советских людей.

«Правда» еще долго печатала правдивые и взволнованные корреспонденции, очерки, репортажи М. Е. Кольцова из Испании. Среди них «Упорная оборона Мадрида», «Двадцать дней боев за Мадрид», «В окопах Мадрида», «Фашистское подполье Мадрида», «Ночной эфир» и др. В корреспонденции «Кинопремьера в Мадриде»¹ публицист рассказал, с каким энтузиазмом был принят патриотами Испании показ советского кинофильма «Мы из Кронштадта». Зрители воспринимали события так, как будто все это происходило здесь, под Мадридом, вот сейчас, в 1936 г. Так же было и с кинофильмом «Чапаев».

Находясь далеко от своей социалистической Родины, М. Е. Кольцов продолжает жить ее интересами, горячо откликается на все наиболее крупные события в жизни СССР. Стране социализма он посвятил переданную из Мадрида по телеграфу статью «Великий маяк», помещенную в «Правде» в день открытия Чрезвычайного VIII Всесоюзного съезда Советов, 25 ноября 1936 г. Корреспондировать с фронтов Испании Кольцов продолжает и в 1937 г.

Мастерство писателя-художника, публициста, которое было присуще М. Е. Кольцову, усиливало воздействие его выступлений на читателя. Его материалы помогали воспитывать советских людей в духе международной солидарности, любви к своей Родине и ненависти к фашизму. Вместе с тем корреспондентская работа Кольцова служила вдохновляющим примером для других журналистов, приковывала их внимание к очень важной теме обороны страны. «Работа правдиста Кольцова в Испании, — писал Вс. Вишневский, — вызывает у всех граждан СССР, у всех читателей, у всех нас — восторг. Он — наш корреспондент — ясен, точен. Он абсолютно подкован в военном и политическом отношении... Кольцов многое объяснил нам о характере войны в Испании... Мы слушаем голос Кольцова по радио. Он мужественный, ясный, твердый»².

В апреле 1937 г. М. Е. Кольцов смог ненадолго приехать в СССР в Москву. Он встречался здесь с коллегами в редакции «Правды» и в других местах, делился с ними

¹ См. «Правда», 20 октября 1936 г.

² «Литературная газета», 15 января 1937 г.

впечатлениями и замыслами, внимательно приглядывался к росткам социалистической нови, жадно вдыхал животворный воздух Родины. Затем снова Испания, окопы под Мадридом. На этот раз собкор «Правды» (он же и председатель иностранной комиссии Союза писателей) имел еще дополнительное поручение — принять активное участие в подготовке и проведении Второго Международного конгресса писателей, посвященного борьбе с угрозой войны и фашизма.

Собравшись 1 июля 1937 г. в Париже, участники конгресса (писатели из 28 стран, включая и СССР) отправились затем в Испанию, в Валенсию и Мадрид, где проходила основная часть работы конгресса. М. Е. Кольцов выступил на нем с речью на испанском языке¹. Он возглавлял советскую делегацию, в которую входили А. Толстой, Вс. Вишневский, Н. Тихонов, А. Фадеев, И. Эренбург и др. Вместе с делегатами Кольцов побывал у бойцов интернациональной бригады, на фронтах республиканской Испании.

Конгресс получил широкий отклик во многих странах мира. Этому содействовало и самое обстоятельное освещение его работы М. Е. Кольцовым на страницах «Правды» (его материалы печатались на первой полосе с пометкой: «По телефону от специального корреспондента «Правды»»).

В Испании Михаил Ефимович находился до конца 1937 г. Вернувшись окончательно на Родину, он, собрав и просмотрев все написанное им и напечатанное за полтора года в газете, перелистав свои записные книжки, создает на основе всего этого большое художественно-публицистическое полотно — «Испанский дневник», представляющий собой волнующую летопись первого периода войны в Испании.

В начале декабря 1938 г. первые две части «Испанского дневника» были напечатаны в журнале «Новый мир». А. Толстой и А. Фадеев в статье, опубликованной в «Правде», охарактеризовали его как «великолепную, страстную, мужественную и поэтическую книгу», где «Кольцов выступает как зрелый и своеобразный художник» и пламенный публицист. «Испанский дневник», по определению наших крупнейших писателей, — это книга

¹ См. С. Гершберг. Работа у нас такая. Записки журналиста-правдиста тридцатых годов, стр. 404.

о замечательном народе, которому первым выпало отражать удар соединенных черных сил фашизма, книга «о героизме простых и мужественных людей, борющихся за дело всего передового и прогрессивного человечества», «об интернациональной солидарности, любви к родине, к человеку, книга о новом гуманизме», показывающая, что «для победы над фашизмом нужны сплоченность, организованность, единство действий, бдительность»¹.

Читая сегодня кольцовский «Испанский дневник», нельзя не заметить, как много внимания в нем уделено героическим делам интернациональных бригад, в рядах которых сражались лучшие люди большого числа стран мира, в том числе и добровольцы из СССР. С огромной теплотой показаны М. Кольцовым легендарный генерал Лукач — писатель-коммунист М. Залка, руководители испанских коммунистов Х. Диас, Д. Ибаррури. Есть в «Испанском дневнике» и еще одно многократно упоминаемое имя — М. Мартинес, принадлежащее «мексиканскому коммунисту». Обращает на себя внимание поразительная осведомленность автора обо всем, что связано с пребыванием Мартинеса в Испании: он — бригадный комиссар, активно участвует во всех событиях; кроме того, как отмечает М. Кольцов, почти каждый день под вечер бывает в редакции центрального органа Испанской компартии «Мундо эбреро», «узнает новости и немного помогает делать газету»². И только в 50-х годах стало известно, что под именем М. Мартинеса публицист вывел себя³ для рассказа о своей «некорреспондентской» деятельности, ибо в республиканской армии он длительное время являлся политинспектором по интербригадам в звании бригадного комиссара. Постоянный творческий принцип — не только писать о событиях, но и участвовать в них — был полностью выдержан и на этот раз.

По возвращении из Испании М. Е. Кольцов был награжден боевым орденом Красного Знамени (орденом Красной Звезды он был награжден в 1930 г.), а в июне 1938 г. избран депутатом Верховного Совета РСФСР первого созыва. То и другое явилось признанием заслуг советского журналиста перед Родиной, перед народом.

¹ Цит. по: М. Кольцов. Испанский дневник, стр. 6. 8.

² Там же, стр. 81.

³ См. А. Рубашкин. Михаил Кольцов. Л., 1971, стр. 174.

В статье «К 75-летию со дня рождения Михаила Ефимовича Кольцова» «Правда» писала: «Большого публициста величали «правофланговым», и он был действительно одним из ведущих бойцов советской журналистики, литературного фронта, солдатом военного фронта, который на несколько лет раньше своих собратьев по перу прошел тяготы войны и многое подсказал им в своих записках из Испании. «Испанский дневник» — одна из лучших книг Кольцова — по сей день волнует читателей своей страстностью, мужеством»¹.

¹ «Правда», 12 июня 1973 г.

ТВОРЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ М. Е. КОЛЬЦОВА ЖИВУТ И РАЗВИВАЮТСЯ

Всем нам памятна замечательная поэма Н. Асеева «Маяковский продолжается». Думается, с полным основанием так можно сказать и о друге и соратнике великого поэта — публицисте Михаиле Ефимовиче Кольцове. Он продолжается прежде всего в тех делах, которые зародились по его инициативе и при самом горячем его участии. Любимых общественных детищ было у Кольцова немало.

Проходя сегодня по Страстному бульвару столицы в направлении к нынешней Пушкинской площади, мы увидим на доме № 11 (где помещается Московский областной комитет народного контроля) мемориальную доску, гласящую: «В этом здании с 1927 по 1938 год работал выдающийся советский журналист, основатель и главный редактор журнала «Огонек» Михаил Ефимович Кольцов». Сегодня еженедельно выходящий «Огонек» печатается в несколько красок более чем двухмиллионным тиражом. Журнал награжден орденом Ленина в день своего 50-летия.

Такой же «возраст» и у другого кольцовского журнала — «Советское фото», награжденного орденом «Знак Почета» за плодотворную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся, активное участие в развитии и пропаганде советской фотопублицистики¹. Ныне это журнал Союза журналистов СССР, выходящий тиражом в 240 тыс. экз.

В еженедельную газету Союза журналистов СССР вырос и горьковско-кольцовский ежеледкадник «За рубежом». Здравствуют и журнал «За рулем», и серия «Жизнь замечательных людей», и многие другие издания, у колыбели которых в свое время находился М. Е. Кольцов.

¹ См. «Советское фото», 1976, № 5, стр. 1.

Когда отмечалось 50-летие «Вечерней Москвы», выяснилось, что М. Е. Кольцов был одним из основателей и этой популярной столичной газеты. Будучи заместителем редактора «Вечерки» (наряду с основной работой в «Правде», с редактированием «Огонька»), он заложил фундамент дружбы газеты с писателями. Нынешний редактор «Вечерней Москвы» С. Индурский, отмечая этот факт, пишет, что преемникам Кольцова было чему у него поучиться — «он активно привлекал писателей к участию в жизни «Вечерки». Так родилась традиция, которая с годами не только не померкла, но была приумножена и живет по сей день»¹.

Продолжает кольцовские традиции советская журналистика 50—60-х годов и сегодняшних дней. Так во всем своем творческом своеобразии и в то же время по-кольцовски, всегда обращаясь к богатому опыту замечательного публициста, фельетониста, помня о нем самом, трудились старейший советский журналист Д. О. Заславский и более молодой соратник Кольцова по «Правде» В. Мавевский. На разных поприщах плодотворно использовали и развивали кольцовские приемы и методы работы Б. Егоров, А. Гудимов, продолжают Е. Рябчиков, А. Аграновский и др.

По-кольцовски смело выступают в наши дни правдисты Ю. Жуков, начинавший свою творческую биографию еще при М. Кольцове, Б. Стрельников, побывавший в логове кубинской контрреволюции, Г. Боровик из АПН (памятник его репортажи с чилийской границы по горячим следам событий 11 сентября 1973 г.). Своеобразными «испанскими дневниками» наших дней являются фронтовые вьетнамские корреспонденции И. Щедрова, ангольские телерепортажи В. Дунаева и т. д.

В кольцовском ключе, в его традициях «писателя в газете» действуют и такие наши видные литераторы, как К. Симонов (вспомним его книгу публицистики, демонстративно озаглавленную «Остаюсь быть журналистом»), Н. Грибачев, Н. Тихонов и многие другие.

Говоря о преемственности поколений в советской публицистике, Н. Грибачев в речи на VI съезде писателей СССР отмечал, что нельзя представить себе художественное и духовное богатство нашей литературы без «пламенных работ Максима Горького, без того, что создано Михаилом Кольцовым, Ильфом и Петровым, Эренбур-

¹ «Печатались в «Вечерке». Сборник. М., 1973, стр. 5.

гом и многими другими...». Это «приобретает особое значение в связи с решениями XXV съезда КПСС, определившими те новые рубежи во внутренней и международной жизни, во имя достижения которых мобилизуется вся энергия партии, народа, страны»¹.

Интерес к кольцовскому наследию все более повышается, о чем свидетельствует и краткий перечень работ, включенных в библиографию данной книги, и переиздание многих произведений публициста в наши дни. Назовем хотя бы три тома его Избранных произведений и сборник «Фельетоны и очерки», выпущенный издательством «Правда». Это не только материалы для изучения творческого пути М. Е. Кольцова, но и нестареющее сильно действующее средство воспитания советских людей.

Вся публицистика М. Е. Кольцова, помогая строить новую жизнь, была в то же время обращена в будущее. «...Великое счастье, — писал публицист, — жить в полном, осуществленном коммунизме. И не меньшее счастье участвовать в его рождении и осуществлении, присутствовать при последних кривых прыжках капитализма, участвовать, ценой опасностей и лишений, пусть даже ценой жизни, во всемирной облаве на смертельно раненного зверя...

Гордое и дерзкое чувство — участвовать именно в первых страницах, в начальных строках свершения коммунизма. Нет, мы, первое поколение коммунистов, не хотим уступать свои почетные места адемам бесклассового общества! Мы любим чудесную нашу эпоху...

Что касаемо увлекательной прогулки на планету Марс, — ну, что ж, придется предоставить ее потомкам. Ограничимся массовым восхождением на Эльбрус, групповыми визитами в стратосферу. И на наш век экскурсий хватит!»²

Близки и понятны эти слова советскому человеку, празднующему ныне 60-ю годовщину Великого Октября в условиях развитого социалистического общества, новых его героических свершений.

¹ «Литературная газета», 23 июня 1976 г.

² «Эпоха газетной строкой». М., 1967, стр. 163.

М. Е. КОЛЬЦОВ О ЖУРНАЛИСТИКЕ И ЖУРНАЛИСТАХ

ПУБЛИЦИСТИКА И ФЕЛЬЕТОН В МЕСТНОЙ ПЕЧАТИ¹

...Под понятие публицистики и фельетона, взятое в более или менее широком смысле, подходит большая сумма самых разнообразных жанров и самых разных авторов. Если вы возьмете публицистику и фельетон в рамках только газеты, то и сюда войдет очень многое. Передовые статьи, фельетоны, подвалы, даже очерки — все это можно считать газетной публицистикой.

Публицистика в лучшем, высоком смысле слова — это литературно-общественный жанр, который суммирует ряд фактов, подобранных или впервые сообщаемых самим публицистом. Публицист обобщает и толкует эти факты, чтобы таким обобщением и толкованием добиться какого-нибудь определенного результата, определенной цели, чтобы добиться от читателя выводов, направленных в сторону этой цели. Сама цель является целью общественной, политической, классовой, партийной. И сама публицистика служит интересам того класса, той партии или того течения, к которому принадлежит автор.

Поэтому публицистика есть жанр, насквозь тенденциозный. Без тенденции автора, без его стремления что-нибудь доказать и в чем-либо убедить читателя нет настоящей публицистики.

История публицистики есть одновременно история борьбы классов. На отдельных этапах публицистики и журналистики можно изучать историю классовой и политической борьбы.

Мы знаем, что революционное рабочее движение запечатлено в произведениях целой плеяды публицистов во

¹ Статья является переработанной стенограммой выступления М. Кольцова на курсах редакторов краевых и областных газет при Отделе печати и издательств ЦК ВКП (б). Печатается с сокращениями.

главе с Лениным... Мы знаем, что на протяжении целого ряда лет Ленин занимался журналистикой и публицистикой и считал их своей профессией...

Излишне убеждать, что публицистика должна быть неотъемлемым элементом нашей партийно-советской печати. Без этого газета (областная или краевая) не может достигнуть того уровня, которого от нее требуют сейчас наша эпоха и новая Конституция. Признак наличия хорошей публицистики должен быть решающим признаком для определения уровня газеты.

Без публицистики газета может быть более или менее полезным советским печатным изданием, дающим информацию, литературный, оперативный материал, она может освещать очередные кампании, драться за всякие текущие задания. Но только при наличии публицистического материала она может быть признана действительно, подлинно большевистской газетой в полном смысле этого слова.

Что же все-таки понимать под публицистикой в нашей партийно-советской газете? Передовая статья — есть ли это публицистическое произведение? Во многих случаях — да, это публицистика. Но среди передовых можно различать заурядные, серые статьи и наряду с этим статьи, которые подымаются до уровня публицистических произведений. Передовая статья, которая только пересказывает, излагает «своими словами» те или иные, уже известные факты, решения, телеграммы, — она может быть хороша, полезна, но ее еще нельзя называть в полном смысле слова публицистической статьей. Лишь статья, которая по-новому преподносит факты, по-новому их суммирует и освещает, есть подлинная публицистика...

Я позволю себе обратиться к собственному опыту и назвать те из своих фельетонов, которые я считаю публицистическими. Вот фельетон «Личный стол». В нем я ставил вопрос о том, как мелкое канцелярское интриганство и бездушие губят ряд ценных людей. Я считаю публицистическим также фельетон «Похвала скромности», который ставил вопрос о зазнайстве, о том, что у нас часто и ко многому обязательно прикрепляют ярлык «Лучший в мире», «Первый в мире» и этим опошляют, затирают, замазывают наши другие, подлинно крупнейшие успехи в ряде областей.

Публицистическим можно также назвать и выступление против перегибов и извращений в борьбе с форма-

лизмом. Нужно было силой подбора фактов воздействовать на ряд наших товарищей, чтобы они перестали вульгаризировать весьма нужную и весьма важную борьбу с формализмом и превращать эту борьбу в какое-то всеобщее «избиение младенцев».

Публицистическим выступлением я считаю также фельетон, который назывался «В. П. З. Р.» и говорил о зазнайстве, о гениальничании среди наших писателей.

Публицистическим я считаю и свой фельетон о маленьком городе — вещь, которую я «вынашивал» наиболее долго из всего написанного за этот год.

Много ли тем найдется у краевой газеты для публицистических статей? Я утверждаю: очень много. Стоит только поискать их.

Публицистика будит, мобилизует читателя. Он видит, что газета — это не только аппарат информации читателя, но также общественно-политический орган. Если же газета не будет постоянно, методически давать публицистические выступления по жгучим вопросам, местным и общесоюзным, то читатель будет ее рассматривать как машину, которая каждый день кормит его порцией информации, директив, время от времени бьет по голове за невыполнение планов, показателей, — и все. Он перестанет видеть в газете авторитетный политический орган. Я не знаю, может ли быть более печальная перспектива для советской газеты?

Конечно, по-человечески говоря, это очень трудное и хлопотное дело — заводить публицистику в областной и краевой газетах. Дело к тому же «рискованное». Вне этого у редактора всегда есть сумма подборок, которые его держат в своих объятиях. Есть ТАСС, который кормит его ежедневно и сообщает, что случилось на свете. Есть заседания в обкоме, в облисполкоме, есть разные бюллетени, сводки, протоколы... Есть обзоры печати в «вышестоящих» газетах. Все это наполняет обиход и календарь редактора. Стоит ли ему сверх всего этого затрагивать еще темы и вопросы, никем и ничем не предусмотренные? Редактору это кажется зачастую и рискованным и хлопотным. Встревать в совершенно новые темы и вопросы — это значит покинуть берега и пуститься в открытое море, где тебя никто не подберет, если заблудишься. И редактор предпочитает крепко держаться знаковых берегов. Это напоминает немного наших мо-

лодых врачей, которых высокая вспомогательная медицинская техника освобождает от необходимости думать над диагнозом. Лет сорок назад, приходя к больному, врач его долго выстукивал, выслушивал, а потом размышлял: чем же болен пациент? А сейчас, особенно в крупном городе, молодой врач для начала нередко не хочет и разговаривать с больным. Он говорит: «Принесите мне ваши анализы выделений, отделений, ваши рентгеновские снимки, ваши кардиограммы». Когда больной все это приносит, врач читает и говорит: «Сахару у вас нет». Почему нет? Потому, что в анализе написано, что сахару нет. «Почки у вас не в порядке». Почему не в порядке? Потому что анализ обнаружил гиалиновые цилиндры. Он смотрит на рентгеновский снимок и рассказывает больному, что на снимке изображено. Но ведь все эти вспомогательные средства существуют вовсе не для того, чтобы освободить врача от необходимости думать! Врач ко всем анализам должен прибавить что-то от себя. Он должен быть не только чтецом этих бумаг, но и комментатором их. И подобно этому редактор газеты должен быть не только передатчиком информационного и директивного материала: он должен сам нюхать жизнь, слушать ее, нащупывать в ней важные узлы и явления, находить больные места и эти места оздоравливать.

В этом отношении положение у нас, откровенно говоря, еще неважное. Партия, правительство делают все, буквально все, чтобы создать в нашей стране наилучшие условия для культурного развития всего СССР в целом и каждой республики, каждого края, области в отдельности. Краевая и вообще местная печать отстает от этого положения. Говоря откровенно, у нас нет еще таких краевых газет, голос которых был бы достаточно авторитетен в Москве, за которые читатель хватался бы с тем же интересом, с каким он берется за некоторые центральные газеты. Что это: недостаток авторитета краев и областей? Каждый ответит: нет. Значит, это недостаток авторитета самих газет.

Наличие публицистики, публицистических выступлений может выдвинуть и политически поднять каждую краевую и местную газету. Пусть даже информация газеты еще не на высоте, но если у вас в газете есть живой, горячий, публицистический запал, я уж не говорю о том, что это поднимет ее авторитет в крае или области, то к ней начнут прислушиваться.

Создать публицистику в областной газете — трудное, но зато и благодарное дело.

Если у вас появится настоящая публицистика, она избавит вас от двух болезней наших газет. Во-первых, от того, что я бы назвал «болезнью номенклатурного мышления». Есть такая застарелая канцелярско-бюрократическая болезнь, которая отравляет многое, и, в частности, очень многое в печати. Мы часто мыслим только рубриками, графами, номенклатурами, и если какой-нибудь факт или явление не попали в номенклатуру, мы их не пропускаем и иногда даже не замечаем. Есть масса лозунгов и кампаний. Затем есть много разных годовщин и «дней», которые сильно загружают газетный обиход. Есть еще всякие другие номенклатурные разрезы. Редактор озабочен, как бы справиться со всеми этими рубриками, и часто запутывается среди них...

Недавно, объезжая провинцию, я попал в Елатьму, Московской области. Глушь порядочная, а главное — совершенно чудовищное городское благоустройство, вернее, неблагоустройство. Я кое-что сфотографировал там (может быть, пригодилось бы для «Крокодила»): сломанные заборы, непролазную грязь, свинью, которая дремала у входа в райисполком, и прочее. Засняв, я затем захожу в райком. Вижу мрачные физиономии. Входит один из руководителей района и грозно спрашивает: «Что такое вы там снимали? Разрешение на съемку у вас есть?» Отвечаю, что у меня нет специального разрешения. Он отвечает, что тогда снимать нельзя. «А что, это разве секретные заборы или секретная свинья?» Ему эта скромная ирония несколько не понравилась. «Это уж наше дело — судить, что здесь секретное и что нет».

Я ему на это говорю: «Почему вы заинтересованы в том, чтобы прятать от печати и общественности тот факт, что в вашем районном центре грязно, что заборы поломаны, что свиньи валяются у здания райисполкома?»

И вот у него в голове словно щелкнул какой-то клапанчик. Он встрепенулся и сразу начал болтать, изворачиваться, изъясняться в любви к самокритике: «Конечно, конечно, обо всем этом надо говорить, кричать, а не замазывать, да мы и не замазываем, пожалуйста, снимайте, мы только рады...»

Что произошло с этим товарищем? Сначала он говорил со мной по графе «бдительность» и считал снимок забора преступлением, а потом вдруг спохватился, что не

по той графе говорит: надо говорить по графе «самокритика». Как только он это понял, все в голове у него пошло на лад, фотографирование стало невинным и даже полезным занятием, способствующим разворачиванию самокритики в области городского хозяйства...

Если говорить о себе лично, то я в своей работе все силы кладу на то, чтобы искать, находить и освещать такие вопросы, которые «номенклатурой» упущены, и считаю это важной обязанностью перед читателями. Публицистическая работа по своей природе является началом, которое ломает номенклатуру и одновременно является целебным средством для воспитания наших работников — редакторов и журналистов — везде и повсюду.

Статью «О маленьком городе» многие газеты перепечатали. Одни — целиком, другие — отрывками, третьи — в виде ссылок и цитат. Но газеты некоторых городов и районов, которые я посетил и о которых в статье писалось, — именно они ничего не перепечатали. Им это даже в голову не пришло. Отчего газеты настолько слепы, что им это не пришло в голову? Вернее всего потому, что затронутый мной вопрос не значился в номенклатуре.

Но ведь это — самое страшное для газеты, когда редакции «просто не пришло в голову»! Если в редакции сидят хорошие, большевистские публицисты, им будут постоянно приходить в голову новые вопросы, которые не входят в традиционную номенклатуру.

Второе, от чего публицистическая работа может освободить газету, — это от психологии провинциализма. Провинциализм, который еще очень силен в умах многих наших товарищей, заключается главным образом в том, что человек, работающий не в столице, не ценит себя и того, что его окружает, не уважает себя, не уважает и своего города. На словах он распинается в том, что, мол, «раньше здесь была задавленная царская колония, а теперь цветущая автономная область». Но внутренне, душой он не ощущает того, о чем с таким словесным апломбом говорит, и про себя думает: «Вот Москва, это — дело!» Подобное двоедушие надо сломить... Газета должна воспитывать в своих читателях чувство патриотизма, достоинства, гордости за свой край...

* * *

Фельетон есть высококвалифицированная, художественно-литературная публицистика в газете. Фельетон может

быть и не только публицистикой. Фельетон может быть дан в виде очерка, сатиры, путевой корреспонденции, стихов (Демьян Бедный). Но это прежде всего публицистический жанр.

Что произошло с фельетоном за эти годы? То, что в 1929—1930 годах достигло своего апогея и считалось совершенно законченным, устоявшимся жанром советского фельетона, — то впоследствии стало дифференцироваться, «разукрупняться», распадаться на целый ряд жанров.

Из советского фельетона в период 1929—1930 гг. выросли и утвердились самостоятельно: фельетон чисто юмористический и сатирический, фельетон очерковый, описательный и, если хотите, даже «драматический» фельетон, например: «Сатирические сценки» Афиногенова, фельетоны Погодина, Ромашова. И, наконец, фельетон в своей первоначальной форме, который сохранился после того, когда от него отделился целый ряд родственных ему жанров, — так, в «Правде» это фельетоны Заславского, Рыклина, Крэна и других. Такого рода публицистический фельетон, опирающийся на фактический, невымышленный материал, я считаю совершенно необходимой и неотъемлемой принадлежностью каждой советской газеты. Этот фельетон, его тематика и характер должны быть целиком под непосредственным руководством самого редактора. Только в исключительных случаях можно выделять особый «фельетонный отдел» в редакции. Да и то такой отдел должен иметь чисто организационные функции: связь с фельетонистами, проверку материалов. Фельетон является часто не менее, а иногда и более острым материалом в газете, чем передовая, и потому им должен заниматься непосредственно редактор.

Вопрос о выборе тем и материала есть важнейший, а если угодно, и решающий вопрос в работе фельетонистов и в печатании фельетонного материала. По выбору темы можно легче всего видеть разницу между беспартийным и партийным фельетонистами. Я говорю в данном случае не о наличии партийного билета. У нас еще есть фельетонисты, обладающие партийным билетом, но весьма аполитичные в своей работе, и у нас есть, наоборот, такие товарищи, которых содержание их работы привело в ряды партии. В чем различие? Для беспартийного, аполитичного фельетониста и покровительствующего ему редактора решающим для печатания фельетона является самый материал. Случилось ли что-нибудь, из

ряда вон выходящее, побили ли, обидели ли кого-нибудь и т. д., — этого для них достаточно, чтобы расписать хлесткий фельетончик. А с другой стороны, подходя к работе политически, по-партийному, часто сознательно отклоняешь десятки занимательнейших, «вкуснейших», с фельетонной точки зрения, сюжетов. Почему? Потому что я предварительно размышляю над тем, как будет реагировать читатель на этот материал, какие это даст результаты. Фельетон — это камень, который дает широкие, далеко расходящиеся круги по воде. Эти соображения часто заставляют отказываться от целого ряда тем, которые были бы весьма выгодны фельетонисту с чисто авторской точки зрения. Это должны иметь в виду и автор и редактор. Но, конечно, подобный отбор ни в коем случае не должен вас демобилизовать и толкать в рамки номенклатуры. Если редактор будет трусить, беспокоиться, «как бы чего не вышло», то и фельетон будет мертвым элементом в газете, он будет сер и немошен, как вся газета. А фельетон между тем должен быть общественно ярким, правдивым, смелым. Только тогда он будет достоин советского массового читателя.

В вопросе о самой обработке материала существуют два метода. При одном методе «раскрашивания» материала фельетонист, найдя какой-нибудь факт, прибавляет к нему более или менее художественно вымышленные детали и дает нечто вроде полурассказа, опирающегося только в основном на фактическую базу.

Другой метод, по которому главным образом работаю я, — это не прибавлять искусственных красок к тем фактам, которые есть, не смешивать, не разбавлять факты каким-либо вымыслом — хотя бы и художественным, — а публицистически факты оттенить, дать их так, чтобы они резали глаз. Я даю фактический материал большей частью в сопоставлении с другими фактами и этим стараюсь добиться публицистического обобщения.

Так работать трудно, но зато читатель привыкает верить автору, читатель знает, что автор хотя и рассказал много интересного, но ничего при этом не выдумал. Я являюсь противником метода фельетона «с красками», когда фельетонист считает, что был бы лишь основной факт верен, а вокруг него можно накрутить что угодно. Я являюсь противником этого не только как фельетонист, но и как редактор.

Весьма важен вопрос о профессиональной культуре

фельетониста и его политическом лице. Представим себе, что мы создали совершенно идеальный номер газеты, за который «Правда» поместит хвалебнейший обзор. Это еще не значит, что мы создали идеальную газету. Сто номеров, тысяча номеров в совокупности — вот что такое газета. Лицо газеты — не в одном отличном или скверном номере, а в том, какова она в своей повседневной работе, в движении, в текущем соприкосновении с читателем. Это же целиком относится к фельетону и фельетонисту. Человека, который написал гениальный фельетон, но один, можно ли назвать фельетонистом? Нет. Редакция должна воспитывать фельетониста как своего сотрудника, который постоянно, регулярно общается с читателем, который постоянно пишет фельетоны на разные темы. Не нужно объявлять гением человека за одну очень удачную вещь. Но не нужно ругать и бить, если он написал похуже. И редактор, и читатель должны судить о фельетонисте по совокупности его вещей за определенный период.

Не всякому можно поручить писать фельетон. Советская газета должна делаться чистыми руками. Нельзя человеку только потому, что у него лихое перо, доверять поношение и обличение людей — доверять ему чтение проповедей с газетных столбцов. Фельетонистом наших газет может быть только честный, безупречный литератор-общественник, коммунист или непартийный большевик.

Я считаю также весьма важным, чтобы сам редактор газеты хоть время от времени выступал в ней с публицистическими статьями, — конечно, если он способен такие статьи писать. Иначе он рискует превратиться просто в редакционного администратора. Подобно этому в Красной Армии от каждого командира, хотя бы и самого высшего, требуют, чтобы он не только командовал, но умел и сам стрелять. Ибо и наш Ворошилов сам стреляет, да еще как — «по-ворошиловски»!

Надо, чтобы и моральный, и литературный, и общеполитический облик человека, пишущего фельетон, был опрятным. Ведь фельетонисту предоставляется видная трибуна в газете. Если в редакции есть такой человек, его надо оберегать, не загружать черной работой. Конечно, это трудно сделать в областной и краевой газетах, где мало работников, еще труднее в районной, где их почти совсем нет, но стремиться к этому нужно. Тогда вы смо-

жете воспитать фельетониста-публициста и фельетон сможет стать важной частью в публицистике вашей газеты.

Я хочу закончить не пожеланиями, а глубочайшей уверенностью, что активная, горячая, литературно-квалифицированная, большевистски-партийная публицистика будет создана в нашей местной печати.

М. Кольцов

«Большевистская печать»,
1936, № 9, стр. 11—15.

ИЗ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДСТВА М. Е. КОЛЬЦОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА¹

В этот день испанский премьер-министр генерал Аспар заявил, что при новых выборах в палату никаких беспорядков допущено не будет. Король Альфонс выехал в Лондон, чтобы навестить свою тещу, принцессу Беатрису, перенесшую тяжелую болезнь.

В этот же день государственный банк Англии переехал в новоотстроенное здание.

В этот же день газеты взволнованно сообщали о потрясающей свадьбе французского чемпиона по плаванию Жоржа Буйи, который венчался со спортсменкой Марией Дельфед в бассейне для плавания, причем не только он и невеста, но и все свидетели, и приглашенные, и сам пастор были в купальных костюмах.

В этот же день число прошений о визе на въезд в СССР, подаваемых в нью-йоркское отделение Амторга безработными инженерами, повысилось до ста двадцати пяти.

В этот же день Гвардейское объединение и Союз нижегородских драгун служили в парижской православной церкви на улице Дарю панихиду по невинно убиенному императоре Александре Втором по случаю пятидесятилетия со дня его кончины.

В этот же день сэр Освальд Мосли и его молодая супруга Винтия, урожденная Керзон, сообщили о выходе своем из британской рабочей партии.

В этот же день обанкротилась, оставив долг в четырехста сорок семь миллионов франков, авиационная компания «Аэропосталь».

¹ М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 434—442.

В этот же день прибывший в Лондон Гендерсон заявил журналистам, что вполне удовлетворен результатами своей итальянской поездки.

В этот же день парикмахерская в американском городе Сиэттле вывесила плакат: «Безработный должен быть свежо побрит, иначе у него никаких шансов получить работу». Как сообщает мировая пресса, остроумный парикмахер заполучил до вечера более четырехсот клиентов.

И в этот же самый день, далеко в стороне от всезнающих корреспондентов этой мировой прессы, в глухом Заволжье, в бывшей царской Уфимской губернии, в тихом селце Муханове, толпа людей, толпа серых баб и мужиков, обыкновенных российских баб и мужиков, в худых зипунах и кожухах, в грубых валенках из жестких и колючих оческов, вышла до утренней зари за околицу и, прикрывая лица от ледяного ветра, двинулась за три версты в открытое поле.

Когда в Муханове пять часов утра, в Париже недалеко за полночь. Там трепетно мигают электровывески кабаков и голодные оборванцы с поклоном открывают дверцы автомобилей, получая взамен медную монету или холодный взгляд. В этот же самый час в Муханове люди в зипунах, в грубых облупленных валенках, изредка усмехаясь, делали странное, даже тревожное в своей необычности дело.

Часть мужиков и баб сгребала лопатами снег и сбивала его в большие твердые четырехугольные кучи в шахматном порядке на равных расстояниях друг от друга. Кучи вырастали так уверенно и деловито, будто сюда, на это заброшенное бескрайнее поле за Волгой, вот сию минуту приедут грузовики из коммунального хозяйства и уберут снег, чтобы здесь тотчас же могло открыться столичное движение пешеходов и трамваев.

Другие совершали еще более странное действие. Запрягали низкорослых, животастых, обывдевших лошадей, надев на них обмерзлую упряжь; они большим треугольным деревянным утюгом закапывали снежные комья в землю.

Снегозадержание — эта новинка пришла на село вместе с другими чудесами и отчаянными диковинами последнего года. Тысячу зим проспали люди за Волгой, неподвижно пролежали под овечьими шкурами, как медведи лежат в душной берлоге. Тысячу весен подымали

опухшие глаза на солнце, на пашню, шупая взглядом ручьи растопленного снега, тревожно испытывая влажность почвы и ища в ней свой приговор.

В тысячу первую зиму пришел колхоз, затарахтел трактор и вместе с ними вывалился целый ворох вещей, неслыханных, озорных, по виду иногда наивных, по детской простоте как бы даже мальчишеских — вместе с тем занозистых, въедливо неопровержимых вещей.

Свалился в деревню силос, свалился оглушительный, с нагловатым хрипом, всезнающий радиоговоритель. Свалился инкубаторий — необыкновенный курячий родильный дом. Свалилось кино — простейшее волшебство на обыкновенной грязноватой простыне. Свалилась про- травка семян, и стенгазета, и кружок безбожников, и вот это — простая, но диковинная работа со снегом.

Отчего бы в самом деле, вместо того чтобы скулить на малый снегопад, вместо того чтобы клясть в бога мать ветер, уносящий от земли скупую снежную крупу, отчего ее не собрать, не сбить в кучу, не пришить к земле, не запрятать снег в самую землю, не согреть снегом самое зерно? Отчего бы и не так? Колхозники усмеваются и проводят снегозадержание. Если по-новому, так уж по-новому.

Мухановцы, вчерашние отсталые единоличники, сегодня состоят в центральном ядре громадного передового колхоза «Сила стали». Вокруг колхоза — сплошной коллективизированный Кинель-Черкасский район. Вокруг района — левобережная часть Средневолжского края, та, что на участке земли величиной в среднеевропейское государство целиком в этом году переходит на коллективные, социалистические формы сельского хозяйства.

Это далось очень быстро, но совсем не так легко.

Два года назад вокруг Муханова пестрела мелкая сыпь разбросанных деревень, хуторов и выселков. Хутора не старые, не столыпинских, а советских времен. Шайка нынешних, новейших столыпинцев, шайка кондратьевских вредителей засела еще шесть лет назад в краевом земотделе и изо дня в день дробила, распыляла, расщепляла, разбрасывала крестьянские хозяйства, не давала им сближаться и объединять свои земли.

Новосозданные карликовые деревеньки и хутора косились, пыжились друг на друга, вели унылые и скучные тяжбы по чересполосице, по выгонам, по школьным раскладкам. Они замыкались в крохотные, притаившиеся,

враждебные друг другу и всему миру крепости. На этой вражде расцветали сельский поп, кулак, чиновник из зем-отдела.

Это могло кончиться плохо. Но налетели свежие ветры, год великого перелома взъерошил притаившуюся жизнь, встряхнул все до основания. Столкнул между собой деревеньки и хутора. Столкнул сначала вслепую — по горизонтали, по законам отсталой географии. И потом столкнул правильно, по классовой вертикали, богатых с бедными, угнетателей с угнетаемыми. И тогда глупые стены крепостей пали. Вредительски разбросанная, раздробленная деревня слилась в одно громадное артельное хозяйство.

Громадный колхоз завязался поначалу в маленьком селе Софьевке. Здесь застучал первый трактор, здесь озабоченно затараторило первое собрание. К Софьевке пришились Ильменевка и Федоровка. А потом Михайловка. А потом Васильевка. А потом Дмитровка. А потом Тростянка. Потом стали прилипать хутора: Отрадное, Привет, Степан Разин, Эхо, Океан. И еще хутор Зацепин. В пять дворов хутор. Влился.

Но село Муханово все не вливалось. Самое большое село. Да еще посредине колхозных земель. Приходилось трактором объезжать по несколько километров кругом.

В Муханове насчет колхоза было трудно.

— Им говоришь, а они хохочут. «Может, вопросы есть?» Молчат. Голосую. «За?» Никто не поднимает. «Против» — тоже никто.

Это рассказывает товарищ Ксения Львова, знающая печальный путь колхоза «Сила стали».

Мухановские бабы страшали барщиной, которую будто бы придется отбывать в колхозе. За бабами, в кулисах, действовала кулацкая режиссура.

— Рассказывали, что появился какой-то человек со звездой на фуражке и говорил определенно, что скоро переменится власть и колхозникам тогда от новых правителей несдобровать.

Но когда рядом с мухановскими землями стали проворно орудовать колхозные машины, настроение быстро сломалось.

— Больно здорово трактора пашут... Вот бы где собрание сделать. Все бы мужики со своими плугами с поля убрались и в колхоз бы взошли,

Инициативная группа решила сделать еще одну попытку. Назначили собрание. Пришла туда Львова.

— Решили на повестку поставить первым вопрос о хлебозаготовках (тогда обязательно придут). А в «разном» вдвинуть колхоз... Речь моя свелась к следующему: во-первых, я выложила все слухи и небылицы о колхозе, которые услышала от самих же мухановцев. Во-вторых, вместо агитации за колхоз рассказала подробно об одном из производственных совещаний, на котором мне пришлось присутствовать. Посыпались вопросы о колхозной работе, внутренних распорядках, об оплате труда. «Мы раньше этого ничего не слышали», — говорили крестьяне. Слышали, конечно, и знали, ибо доклады о колхозе ставились, но тогда еще не переварилось все это в головах.

Стали голосовать «колхоз». Все руки — за, только две против:

— Ты зачем не сказала, что о колхозе собрание будет; мы бы не пришли. Пиши наши две души против.

— Насильно в колхоз не загоняем, дядя Семен. Не хочешь — не пойдешь. Кто не желает, пусть приходит в сельсовет и выписывается...

— В течение трех дней, — рассказывает Львова, — никаких заявок о выходе не поступило. Тогда приехал из Софьевки агроном и член совета колхоза провести решающее собрание и выбрать правление. На этом собрании женщины и мужчины разделились на две стороны. Первая сторона без передышки бушевала, заявляла о нежелании вступить в колхоз, а все мужчины единогласно были «за». Но когда стали голосовать кандидатов в правление, женщины приняли самое активное участие в обсуждении их кандидатур. «Давайте Левашева!» Председатель шутя уговаривал: «Да тише вы, вы же не колхозницы!..»

За Левашева подняли руки поголовно все «неколхозницы». Только левашевская жена скандалила:

— Ах ты черт, дьявол пропадущий! Не надо мне тебя такого! Не нужен ты мне, не видала я твоего колхоза! Не пушу ночевать, пропадай как собака!

А муж смущенно успокаивал:

— Тише ты, не кричи. Не пустишь, ну и ладно. Не ори только ради бога.

Большой бублик колхозных земель заполнился в середине. После присоединения Муханова получилось громадное хозяйство на семьсот дворов, на семь тысяч гек-

таров, с могучей тракторной колонной, с прицепным инвентарем, с лошадьми, с рогатым скотом. Начали строить кирпичный завод, инкубаторий, больницу, школу, множество всяких прочих обзаведений. «Сила стали» стала считаться одним из виднейших колхозов в крае. Уже потянулись сюда паломники, жаждущие свежего колхозного опыта, молодой премудрости социалистического сельского хозяйства.

Но неотвердевшее тело новорожденного хозяйства стала точить нежданная болезнь. Вместо премудрости в колхозе засела перемудрость.

Председатель правления «Сила стали» товарищ Петухов, работник краевого масштаба и, по-видимому, всесоюзного административного размаха, стал вправлять свежую, еще не освоившуюся в колхозе крестьянскую массу в жесткие рамки начальственного произвола.

Жаркое пламя артельности, трудовой спайки, задорная удаля коллективной работы — все померкло, съежилось, осунулось под суровым взглядом председателя Петухова.

Председатель читал в газетах звонкие заголовки «На колхозном фронте». Он почувствовал себя фронтовым командиром, владыкой и повелителем трехтысячной колхозной дивизии, с кавалерией, тракторно-танковыми частями, обозами и штабной канцелярией.

Вместо производственных совещаний и коллективно обдуманных решений он ввел систему единоличных приказов по колхозу. По одному параграфу одних людей гнали на работу, часто непосильную и бессмысленную, по другому параграфу другие люди освобождались и сладко лодырничали, по третьему, четвертому, десятому параграфам колхозники получали выговоры, благодарности, штрафы и награды.

Петухов гордился своей стройной системой управления. Колхоз был похож на совхоз. Вернее, он ни на что не был похож.

Колхозники ломали перед строгим председателем шапку... Основная гуща, бедняки и середняки, сразу как-то осела под твердым нажимом самовластного председателя. У нее еще не было опыта борьбы за свою артельную демократию. Хуже того — многие из вчерашних единоличников простодушно полагали, что эта унылая служебная лямка — это и есть настоящий колхозный распорядок, что иного не бывает.

Зато отлично обжилась подде Петухова кучка зажиточных, попросту кулаков, которых председатель принял, дозволив предварительно распродать скот и богатый инвентарь. Они образовали вокруг председателя законодательную палату и управляли колхозной массой от имени шефа. Управляли так, что бедняк взвыл, а середняк, мухановский, тростниковский, михайловский, федоровский середняк, тот, что раньше так охотно тянул руку за колхоз, стал потихоньку выписываться. Петухов делал вид, что не замечает отлива. Вместе с кулацким своим сенатом этот левейший колхозный администратор говорил об уходящих середняках, как о ненужных лодырях.

Казенщина в управлении скоро дала себя почувствовать. Никто не хотел работать на полную силу. Никто не тревожился, не боялся за посевы, за уборку, за использование машин. Хозяйство начало хиреть и разоряться.

Перевыборы правления встряхнули тоскливую мертвечину. Колхозники взялись за Петухова плотно. Осветилось его незаконное потворство кулакам-лишенцам, сопротивление встречному плану хлебозаготовок, преступно головотяпское обращение с тракторной колонной. Его выбросили из колхоза и из партии. Стали чистить колхоз — выгонять вслед за Петуховым его друзей кулаков.

С новым правлением «Сила стали» опять ожила, весело зашевелилась. В руководство вошли люди твердые, но простые, не заносчивые. Первые же начинания, первые проявления в массовой работе встречены были бурным подъемом. Взорвалась, вышла наружу крестьянская сметка, появилось свое, колхозное изобретательство, и вовсе не наивное, а складное, передовое, удачливое. Отдельные разбросанные деревни, поселки и хутора, объединившись общим хозяйством, почувствовали себя совсем недалеко друг от друга.

Муханово, угрюмое неподвижное Муханово, при новом правлении растормошилось больше всех. Зашагали по избам инициативные группы, зашумели колхозные «красные сваты», вербовочные бригады, языкастые селькоры. И вот в Муханове сто процентов, мы сидим в сумерках в каморке председателя и каждые пять минут смеемся. Это когда по привычке хватаемся за то, что уже кончилось.

— Как же заем распределился среди единоличников? Ах, да — ведь единоличников уже больше нет!

— А как будут семена единоли... Забыл, забыл, — здесь теперь только колхозные. Никак не привыкнешь!

Эти сто процентов — не чета прошлогодним.

Те были с разбегу, рыхлые, водянистые, часто прямо липовые проценты. Эти взяты в упорном повседневном бою за коллективизацию, к ним мы пришли по ухабам, с толчками вправо и влево, но твердо пришли по земле, а не сомнительно припорхнули на крылышках.

И при ста процентах жизнь в Муханове еще далека от социалистического рая. Село, только что превратившееся в колхоз, еще по колена в старом. В нем не затихает классовая борьба, здесь есть недовольные и есть причины для недовольства. Это только в пьесах наших благонамеренных авторов честные крестьяне, голоснув за колхоз, больше ничего не делают, как пляшут камаринского под звуки «Интернационала».

В Муханове кулак потихоньку, уже совсем ослабевшими руками, но все еще придерживает бедняка. В Муханове не хватает вдосталь картошки. Нет лекарств в мухановской амбулатории, а в мухановской школе ребята, хотя и прочли мне наизусть, без запинки длиннющее стихотворение об океанском шторме и героях-краснофлотцах, но ни чтецы, и никто не знал, что такое океан и что такое краснофлотец... Прорех целое множество, схватишься за одну, а уже зовет другая.

Но разве страшны эти маленькие прорешки, если самое главное уже сшито и завязано крепким узлом? Ведь возврата нет! Ведь уже произошло самое неслыханное, самое великое из того, что могло произойти за много веков. Сто миллионов мелких, жалких, раздробленных хозяев поверили партии большевиков, что лучше будет, если объединить труд и орудия производства.

Мухановские, а кроме них — ильменевские да еще димитровские, михайловские, федоровские и всякие иные перестали думать дедовской, изуродованной царями головой. Они поверили в новое, проверили и теперь сами готовы доказать каждому: засуха не страшна, если снегом согреть и напоить зерно. Бедность не страшна, если работать и хозяйствовать артелью.

Именно это, величайшее из событий, определяющих судьбы мира, проморгали те, кто, насилуя мировой эфир и телеграфную проволоку, поспешают за тещей испанского короля Альфонса, за несравненным женихом в купальном костюме.

Она, мировая печать, не забывает сообщать и о советской стране. Но — жалкая бумажная потаскуха — о чем она дребезжит! Она пугает Европу призраками демпинга и советского принудительного труда.

Идиоты — разве страшно это? Разве этого надо бояться? Если бы в самом деле в нашей стране была система рабского труда — трудно ли было бы передовому цивилизованному буржуазному миру задушить государство с таким отсталым древнеримским строем социальных отношений?

Но ведь действительность много страшнее. «Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи!»

Действительность то, что заволжские крестьяне, те же, что десять лет назад, раздавленные засухой, принимали кусок хлеба от американских благотворителей, теперь сознательно, разумно и своевременно выходят на поля удерживать снег.

Действительность то, что сто тридцать дворов в Муханове и еще двадцать миллионов по всей стране, миновав сомнения и колебания, преодолев право-левое сопротивление Петуховых, добровольно объединившись, задушив угнетателей, совместно эксплуатируют неистощимую природу шестой части света. И Герберт Гувер, еще недавно председатель снисходительной к нашей нищете АРА, теперь, в должности американского президента, трусит мощного экспорта продуктов колхозного труда.

Действительность то, что секретарь и культпроп мухановской сельской ячейки, но никак не король Альфонс и его теща, принцесса Беатриса, призваны повернуть скрипучее колесо мира. Горе тому, кто обманывается в главных действующих лицах эпохи.

Михаил Кольцов

Муханово, Средняя Волга ¹.
«Правда», 27 марта 1931 г.

ПОХВАЛА СКРОМНОСТИ ²

Будто бы в городе Казани, на Проломной улице, жили по соседству четверо портных.

¹ Эта пометка имелась в газетном варианте, автор подчеркивал тем самым, что материал идет «с места событий». — Б. В.

² М. Кольцов. Избранные произведения в 3-х томах, т. 1, стр. 560—564.

Заказчиков мало было, конкуренция злая. И, чтобы возвыситься над соперниками, портной Махоткин написал на вывеске: «Исполнитель мужских и дамских фасонов, первый в городе Казани».

А тогда другой взял да изобразил: «Мастер Эдуард Вайнштейн, всероссийский закройщик по самым дешевым ценам».

Пришлось третьему взять еще тоном выше. Заказал огромное художественное полотно из жести с роскошными фигурами кавалеров и дам: «Всемирно известный профессор Ибрагимов по последнему крику Европы и Африки».

Что же четвертому осталось? Четвертый перехитрил всех. На его вывеске было обозначено кратко: «Аркадий Корнейчук, лучшей партной на етай улицы».

И публика, как утверждает эта старая-престарая история, публика повалила к четвертому портному.

И, исходя из здравого смысла, была права...

Бывает, идет по улице крепкий, храбрый боевой полк. Впереди полка — командир. Впереди командира — оркестр. Впереди оркестра — барабанщик. А впереди барабанщика, со страстным визгом, — босоногий мальчишка; и из штанишек сзади торчит у него белый клоч рубашки.

Мальчишка — впереди всех. Попробуйте оспорить.

С огромным разбегом и напором, собрав крепкие мускулы, сжав зубы, сосредоточив физические и моральные силы, наша страна, такая отсталая раньше, рванулась вперед и держит курс на первое место в мире, на первое место во всех отраслях — в производстве, потреблении, в благосостоянии и здоровье людей, в культуре, в науке, в искусстве, в спорте.

Курс взят наверняка. Дано направление без неизвестных. Социалистический строй, отсутствие эксплуатации, огромный народный доход через плановое хозяйство и прежде всего сам обладатель этого дохода, полный мощи и энергии советский народ, его партия, его молодежь, его передовики-стахановцы, его армия, его вера в себя и в свое будущее — что может устоять перед всем этим?

Но хотя исход соревнования предрешен, само оно, соревнование, не шуточное. Борьба трудна, усилий нужно много, снисхождения, поблажек нам не окажут никаких — да и к чертям поблажки. Пусть спор решат факты, как они решали до сих пор.

Оттого досадно, оттого зло берет, когда к боевому маршу примешивается мальчишечий визг, когда в огневую атаку путается трескотня пугачей.

Куда ни глянь, куда ни повернись, кого ни послушай, кто бы что бы ни делал, — все делают только лучшее в мире.

Лучшие в мире архитекторы строят лучшие в мире дома. Лучшие в мире сапожники шьют лучшие в мире сапоги. Лучшие в мире поэты пишут лучшие в мире стихи. Лучшие актеры играют в лучших пьесах, а лучшие часовщики выпускают первые в мире часы.

Уже самое выражение «лучшие в мире» стало неотъемлемым в словесном ассортименте каждого болтуна на любую тему, о любой отрасли работы, каждого партийного аллилуйщика, каждого профсоюзного Балалайкина. Без «лучшего в мире» они слова не скажут, хотя бы речь шла о сборе пустых бутылок или налоге на собак.

Недавно мы посетили библиотеку в одном из районов Москвы. Там было сравнительно чисто, прибрано, хорошо проветрено. Мы похвалили также вежливое обращение с посетителями. Отзыв не произвел особого впечатления на заведующую. Она с достоинством ответила:

— Да, конечно... Это ведь лучшая в мире по постановке работы. У нас тут иностранки были, сами заявляли.

Этой струе самохвальства и зазнайства мало кто противодействует. А многие даже поощряют. Особенно печаль. Описывают вещи и явления или черной, или золотой краской. Или магазин плох — значит, он совсем никуда не годится, заведующий пьяница, продавцы воры, товар дрянь, или магазин хорош — тогда он лучший в мире, и нигде, ни в Европе, ни в Америке, нет и не будет подобного ему.

Еще предприятие не пущено в ход, еще гостиница не открыта, и дом не построен, и фильм не показан, а бойкие воробьи уже чирикают на газетных ветках:

— Новые бани будут оборудованы по новому усовершенствованному принципу инженера Ватрушкина, а именно: будут обладать как холодной, так и горячей водой. Впервые вводится обслуживание каждого посетителя индивидуальной простыней. Впервые в мире будут радиофицированы и телефонизированы парильные отделения, благодаря чему моющийся сможет тут же на полке прослушать курс гигиены, навести по телефону любую справку или подписаться на любой журнал.

— В смысле постановки дела гостиница равняется на лучшие образцы американских отелей, хотя во многом будет их превосходить. Каждая комната в гостинице снабжается индивидуальным ключом. Каждый жилец сможет вызвать по телефону такси. Пользуясь почтовым ящиком, специально установленным на здании гостиницы, проживающие смогут отправлять письма в любой пункт как СССР, так и за границу.

— По производству ходиков советские часовые фабрики прочно удерживают первое место в мире.

— После окраски фасадов и установки дуговых фонарей Петровка может стать в первом ряду красивейших улиц мира, оставив за собой Унтер ден Линден, Бродвей, Елисейские поля и Нанкин-род.

И принимая у себя репортера, киномастер в шикарных бриджах цвета птичьего гуано рокошет уверенным басом:

— Наша первая в мире кинематография в лице своих лучших ведущих представителей готовится дать новые великие фильмы. В частности, лично я напряженно думаю над сценарием для своей ближайшей эпопеи. Сюжет еще не найден. Но ясно одно: по своей новизне этот сюжет не будет иметь precedентов. Не определились также место съемок и состав актеров; но уже имеется договоренность: район съемок будет самым живописным в мире, а актерская игра оставит за собой все, что мы имели до сих пор в данном столетии...

Если какой-нибудь директор небольшого гиганта по утюжке штанов отстал от жизни и недогадлив, тот же репортер, как дрессировщик в цирке, умело равняет его на искомую терминологию.

— Реконструкция брючных складок производится у вас по методу «экспресс»?

— Безусловно. А то как же. Как есть чистый экспресс.

— Любопытно... Чикаго на Плющихе... Растем, нагоняем... А это что? Там на табуретке?

— Это? Да как будто газета, вечерочка.

— Н-да, маленькая читальня для удобства ожидающих... Ловко! И цветочек рядом в горшке. Небольшая, уютно озелененная читальня дает назидательный урок американским магнатам утюга, как надо обслуживать выросшие потребности трудящегося и его конечностей... Ведь так?

— Безусловно. А то как же.

Эта глупая трескотня из пугачей особенно обидна потому, что тут же рядом идет подлинная борьба за мировое первенство, и оно подлинно достигается на подлинных цифрах и фактах.

Ведь это факт, что наша страна стала первой в мире по производству тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин, по синтетическому каучуку, по сахару, по торфу, по многим другим материалам и машинам. Не смешно ли рядом с этим хвалиться первым местом по выпуску ходиков?

Мы вышли на второе место в мире по чугуну, по золоту, по рыбе.

Сосредоточив все мысли своей молодой головы, Ботвинник добился первого места на международном шахматном турнире. Но место пришлось поделить с чехословаком. А все-таки Ботвинник собирает силы, готовит новые битвы за международное, за мировое первенство.

Наши рабочие парни-футболисты пошли в бой с лучшей буржуазной командой Франции. Пока проиграли — факт. Но проиграли более чем прилично. Мы верим, что скоро отыграются. Но и это будет признано только на основе неумолимого факта же: цифры на доске футбольного поля должны будут показать это, и никто другой.

Парашютисты Советского Союза держат мировое первенство своей ни с чем не сравнимой храбростью. Три молодых героя побили рекорд подъема на стратостате, но заплатили за это своими жизнями, — разве не оскорблением их памяти звучат зазнайство и похвальба людей, зря, без проверки присваивающих своей работе наименование «лучшей в мире»!

А проверку мирового качества надо начинать со своей же собственной улицы.

Московское метро, по признанию всех авторитетов, несравнимо лучше всех метро на земном шаре. Но оно и само по себе хорошо, здесь, в Москве, для жителей своих же московских улиц. Москвич усомнился бы в мировых качествах своего метрополитена, если ему, москвичу, езда в метро доставляла бы мучение.

Вот представим себе такую картину:

Часовой магазин. Входит покупатель, по виду иностранец, солидный, важный, строгий. Требуется карманные часы. Только получше.

— Вам марки «Омега» прикажете? Прекрасные часы, старая швейцарская фирма.

- Знаю. Нет. Что-нибудь получше.
— Тогда «Лонжин»?
— Лучше.
— Что же тогда? Может быть, Мозера, последние модели?
— Нет. Лучше. У вас ваших московских, «Точмех», нет?
— Есть, конечно. Но ведь очень дороги.
— Пусть дороги, зато уж на всю жизнь. Все эти швейцарские луковичы я и у себя могу достать. А вот из Москвы хочу вывезти настоящий «Точмех»...

Мы ждем, что эта волшебная картина скоро станет четким фактом. А пока не стала — будем, среди прочего, крепко держать первое место в мире по скромности.

Михаил Кольцов

«Правда», 10 февраля 1936 г.

ЧКАЛОВ В ПАРИЖЕ

(По телефону от специального
корреспондента «Правды»)

Париж. 21 июля. Душные, накаленные солнцем темные каменные ущелья Парижа переполнены до краев людьми. В гостиницах, в тех, что не бастуют, нехватает кроватей. В ресторанах измученные официанты усталыми руками сыпят ледяной щебень в стаканы, льют вино, пиво, лимонад.

Четыре раза в день сухой бумажный вихрь шелестит по улицам. Осторожно, чтобы не испачкаться, люди пероврачивают непросохшие газетные листы, ищут в куче заголовков и клише самые тревожные, самые важные слова. Франк, Франко, Китай, Япония, Брунете, платные отпуска, дороговизна, германские угрозы, забастовка гостиниц...

Каждую минуту поезда, автомобили, самолеты привозят новые и новые тысячи людей из Сингапура, из Варшавы, из Аргентины, из Афганистана. Людские потоки скрещиваются, смешиваются в переполненных павильонах выставки, в толкотне перекрестков, в духоте театральных зал. Как и чем можно удивить здесь, в этой чудовищной суматохе?

Оказывается, — можно. В кипящем котле выставочного Парижа есть свои центры притяжения. Без всякой натяжки можно сказать, что в эти три дня советские летчики стали одной из главных парижских тем. Их имена ищут в газетах, за их времяпрепровождением следит вся столица, о них говорят на улицах, в кафе, на заводах и в театрах.

Когда на вокзале Сен-Лазар к приходу гаврского поезда вдоль перрона стали выстраиваться взводы фотографов и репортеров, когда на перроне стало тесно от публики и празднично от цветов, кто-то объяснил, что это — встреча знаменитой киноактрисы Марлен Дитрих. Она и в самом деле приехала в этом же поезде, прославленная Марлен. Ее и в самом деле кто-то встречал. Она появилась в дверях вагона в глубоко продуманном дорожном туалете, с тщательно выверенной улыбкой.

Но толпа и цветы, и фотографы, и даже носильщики — все рванулись к другому вагону и там в бурных восторгах облапили тройку веселых, здоровых молодцов, победителей Северного полюса, советских героев воздуха. На несколько минут весь вокзал был захвачен этой манифестацией. И только когда волна схлынула, кинозвезда, бледнея от злости, смогла пройти к автомобилю и сердитым рывком захлопнула за собой дверцу. На нее не осталось у фотографов пластинок.

Сейчас весь политико-дипломатический Париж рвется в советское полпредство на прием в честь советских летчиков. Общество друзей Советского Союза завалено требованиями от организаций — присутствовать на встрече с Чкаловым, Байдуковым и Беляковым. В кино — овации, когда они появляются на экране. На улицах, в магазинах их узнают, ими восторгаются.

Нет, в Париже еще не разучились разбираться в событиях! Никакие сенсации, никакая суматоха, никакая шумиха не могут перешуметь простого, спокойного, но потрясающего события — Северный полюс стал советским аэродромом. Советские летчики летают из Москвы в Калифорнию без посадки.

Мих. Кольцов

«Правда», 22 июля 1937 г.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ленин В. И.* С чего начать? — Полн. собр. соч., т. 5, стр. 1—13.
- Ленин В. И.* О характере наших газет. — Полн. собр. соч., т. 37, стр. 89—91.
- Ленин В. И.* Письмо Г. Мясникову. 5 августа 1921 г. — Полн. собр. соч., т. 44, стр. 78—83.
- Ленин В. И.* О международном и внутреннем положении Советской республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, стр. 1—16.
- Ленин В. И.* А. В. Луначарскому. Между 15 и 19 августа 1905 г. — Полн. собр. соч., т. 47, стр. 57—59.
- Агапов Б. И.* В Испании — Кольцов. — «Большевистская печать», 1936, № 11, стр. 49—51.
- Васильковский Г.* Кольцов — публицист. — «Литературная газета», 11 июля 1932 г.
- Вишневский Вс.* Наш корреспондент. — Собр. соч. в 5-ти томах, т. 5. М., 1960, стр. 392—395.
- Гершберг С.* Работа у нас такая. Записки журналиста-правдиста тридцатых годов. М., 1971.
- Грибачев Н.* Выступление на VI съезде писателей СССР. — «Литературная газета», 23 июня 1977 г.
- «Десять лет работы в «Правде» тов. М. Е. Кольцова». — «Правда», 12 августа 1930 г.
- Егоров Б.* Фельетон начинается с первой фразы. — «Журналист», 1969, № 2, стр. 29—31.
- Егоров Б.* Фельетон меняется, развивается. — «Журналист», 1970, № 8, стр. 48—51.
- Ермилов Б.* Михаил Кольцов (Портрет художника). — *М. Кольцов*. Собр. соч. в 6-ти томах, т. 1. М., 1935, стр. 5—54.
- Ефимов Б.* Близкое далекое. — «Советская печать», 1962, № 5, стр. 37—38.
- Ефимов Б.* Сорок лет. Записки художника-сатирика. М., 1961.
- Жуйкова А.* Фельетоны Михаила Кольцова в журнале «Чудак». — «Проблемы развития советской литературы 20-х годов». Саратов, 1963, стр. 91—110.
- Жуков Ю.* Димитров обвиняет. — *М. Кольцов*. Избранные произведения в 3-х томах, т. 2. М., 1957, стр. 270—271.
- Журбина Е.* Устойчивые темы. Статьи. М., 1974.
- Заславский Д.* Гвардия. — «Советская печать», 1962, № 5, стр. 34—36.
- Заславский Д.* Первая скрипка. — «Советская печать», 1963, № 6, стр. 37—39.
- Индурский С.* Писатель и «Вечерка». — «Печатались в «Вечерке». М., 1973, стр. 5—8.

- «Искусство публицистики». Сборник. Алма-Ата, 1962.
- Жалинин М. И.* О корреспондентах и корреспонденциях. М., 1958.
- Кармен Р.* Но пасаран! М., 1972.
- Коган Р.* От составителя. — *М. Кольцов.* Писатель в газете. Выступления, статьи, заметки. М., 1961, стр. 3—8.
- Ковалевский К. А.* Фельетон в газете. — «Вопросы журналистики». М., 1959, стр. 277—302.
- Корн Р.* «Командируется М. Кольцов...» — «Литературная газета», 27 апреля 1965 г.
- Кружков Н.* Михаил Кольцов. — «Советская печать», 1956, № 9, стр. 32—34.
- Маевский В.* Солдат советской журналистики (К 75-летию со дня рождения Михаила Кольцова). — «Правда», 12 июня 1973 г.
- «Михаил Кольцов, каким он был». Воспоминания. М., 1965.
- «Мы — интернационалисты». Воспоминания советских добровольцев — участников национально-революционной войны в Испании. М., 1975.
- Никулин Л.* Годы нашей жизни. Воспоминания и портреты. М., 1965, стр. 279—284.
- «Партийная и советская печать в борьбе за построение социализма и коммунизма», ч. 1 (1917—1941 гг.). М., 1961.
- «Перед микрофоном Михаил Кольцов и Валентин Катаев». — «Журналист», 1974, № 4, стр. 32—33.
- «Переписка А. М. Горького с М. Е. Кольцовым». — «Новый мир», 1959, № 6, стр. 149—166.
- Погодин Н.* Школа «Правды». — «Журналисты рассказывают». М., 1974, стр. 55—61.
- Ратманова-Кольцова Е.* Путешествие в прожитые годы. — «Маяковский в воспоминаниях родных и друзей». М., 1968, стр. 245—258.
- Рубашкин А.* Михаил Кольцов (Критико-биографический очерк). М., 1971.
- Рябчиков Е.* Из репортерского племени. — «Журналисты рассказывают», стр. 15—32.
- Скороходов Г.* Михаил Кольцов. Критико-биографический очерк. М., 1959.
- Толстой А., Фадеев А.* «Испанский дневник». — *М. Кольцов.* Испанский дневник. М., 1957, стр. 5—9.
- Шилов М. А.* Поэт и журналист (Маяковский и Михаил Кольцов). — «Маяковский и советская литература». Сборник. М., 1964, стр. 372—406.
- Шкапа И.* Семь лет с Горьким. Воспоминания. М., 1964.
- Яковлев А.* Цель жизни (Записки авиаконструктора). М., 1974, стр. 59, 147.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Солдат советской журналистики	3
Правдист 20-х и 30-х	9
«На поле битвы журнальном»	26
Немеркнущая тема: Ленин	34
Он умел писать обо всем по-своему, по-кольцовски 44	
Оружием фельетона	45
Фельетон и очерк в боевой обойме	52
Репортаж: и жанр, и метод	62
На фронтах республиканской Испании	73
Творческие традиции М. Е. Кольцова живут и раз- виваются ,	80
М. Е. Кольцов о журналистике и журналистах	83
Публицистика и фельетон в местной печати —	
Из публицистического наследия М. Е. Кольцова 93	
Действующие лица	—
Похвала скромности	101
Чкалов в Париже (По телефону от специ- ального корреспондента «Правды»)	106
Библиография	108

Веровкин Б. П.

В 31 Михаил Ефимович Кольцов. М., «Мысль», 1977.

110 с. (Высш. парт. школа при ЦК КПСС. Кафедра журналистики. Парт. публицисты)

Брошюра посвящена одному из крупнейших советских публицистов — Михаилу Ефимовичу Кольцову, много лет проработавшему в газете «Правда» и других центральных печатных органах страны, немало сил и энергии отдавшему становлению и развитию советской журналистики.

**В 61001-182
 004(01)-77 131-77**

ЗКП1(092)

ИБ № 470

Веревкин Борис Петрович

МИХАИЛ ЕФИМОВИЧ КОЛЬЦОВ

Заведующая редакцией Т. И. Харламова

Редактор Л. Г. Севастьянова

Младший редактор Л. А. Кондарина

Оформление художника В. И. Пантелеева

Художественный редактор В. Ф. Найдено

Технический редактор О. А. Барабанова

Корректор С. С. Новицкая

Сдано в набор 31 мая 1977 г. Подписано в печать 31 августа 1977 г. Формат 84×108¹/₃₂. Типографская бумага № 2. Усл. печатных листов 5,88. Учетно-издательских листов 5,9. Тираж 50 000 экз. А07760. Зак. № 2848. Цена 20 коп.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Хохловский пер., 7.

Издательство «Мысль» продолжает выпускать серию брошюр «Партийные публицисты». Она подготовлена кафедрой журналистики ВПШ при ЦК КПСС. Серия посвящается публицистическому творчеству выдающихся деятелей партии — Ф. Э. Дзержинского, М. И. Калинина, С. М. Кирова, Г. М. Кржижановского, Н. К. Крупской, В. В. Куйбышева, С. Г. Шаумяна, Е. М. Ярославского, публицистов ленинской школы — В. В. Воровского, М. С. Ольминского, А. В. Луначарского, И. И. Скворцова-Степанова, профессиональных публицистов партийной и советской печати — П. М. Керженцева, М. Е. Кольцова, К. С. Еремеева, Я. А. Галана и др. Каждая брошюра содержит очерк жизни и творчества публициста, его высказывания о печати и публицистике, образцы публицистического мастерства, Главное внимание уделяется анализу публицистического творчества и его значения для воспитания и обучения кадров советских журналистов. В 1971—1976 гг. изданы брошюры: А. К. Белкова «В. В. Воровский», А. А. Круглова «А. В. Луначарский», Б. П. Веревкина «М. С. Ольминский», В. В. Шарова «И. И. Скворцов-Степанов», А. И. Мельникова «С. М. Киров», Г. В. Булацкого «П. Н. Лепешинский», И. В. Кузнецова «В. А. Карпинский», Е. И. Бреслав «А. М. Коллонтай», Г. П. Панушкина «Г. И. Крумин», Х. А. Барсегяна «С. Г. Шаумян», Д. М. Руднева «В. Э. Кингисепп», В. Ю. Стеклова и Ю. К. Филоновича «Ю. М. Стеклов».